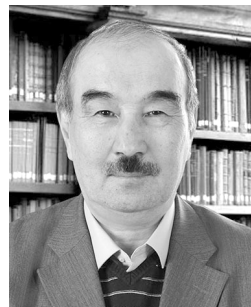

Аслан

Жаксылыков

ДОМ СУРИКАТА

Роман

Лифт с приятным шуршанием поехал вниз. Внутренние стены небоскреба всякий раз освещались вспышками проникающего света, и в прозрачных объемах проносащихся ярусов замелькали вереницы и группы бойцов в белых и черных кимоно, выполнявших приемы «хэй-бэй» с невероятной силой и ловкостью.

– Наступит час, и ты поведешь этих ребят в бой против федератов, – с пафосом сказал толстяк, выпятив квадратную нижнюю челюсть. – Надеюсь, ты не забыл навыки десантника, приобретенные в лагере. Мы готовили тебя по особой программе СИС. Такие нагрузки этим мальчикам и девочкам и не снились. Кроме того, ты проведешь несколько курсов выживания в экстремальных условиях для этих солдат. Уж этому ты научен очень хорошо!

– Что это за программа СИС? – хотел ты спросить, но вопрос комом застрял в горле. В голове зияла тьма. Куда исчезли из памяти годы тренировок в лагере десантных войск специального назначения? Если верить оператору, ты провел там не один год и был одним из лучших.

Вместо застрявшей фразы ты выдал совершенно неожиданную, а главное, гладкую фразу:

– Как вы собираетесь бороться с джугарой?

– Никак, – коротко ответил член Совета, глядя на дверную панель лифта. – Мы просто сдерживаем ее наступление, ведем полевые и лабораторные исследования. Признаюсь, мы тоже испытываем давление кризиса... Однако наша башня самая стерильная. До сих пор нам удавалось не допустить проникновения спор, грибов и вирусов. Поэтому среди нас мутантов нет. Кроме тебя, ты здесь первый, надеюсь, и последний.

Редактор, довольный шуткой, коротко хохотнул, порозовев всем лицом:

– Не обижайся. Ты, конечно, не мутант, кое-что другое. В противном случае мы давным-давно отправили бы тебя в саркофаг. У нас мощные морозильники, да и печи тоже. Мутанты гуляют среди островитян. Они все заражены джугарными бактериями! Необратимо, навсегда! Мы никого из них к себе не допускаем, даже в шлюзовые камеры.

– Как принимаете дичь?

– Рейнджеры передают туши роботам. Те загружают мясо в холодильные блоки.

Затем мясо разжижается до молекулярного состояния, из этой уже безвредной пасты синтезаторы формируют отличную говядину или бараньи филе, отбивные. Отличия никакого! После трехкратной тепловой обработки от спор ничего не остается. Ничего! Проверено многократно.

– Как расплавиваетесь с рейнджерами?

– Оружием. Всегда микрочипами и оружием. Денег давно нет. О дензнаках люди напрочь забыли.

– Почему против джугары вы не использовали ядерное оружие? Наверняка оно у вас есть? – неожиданно спросил ты как бы безразличным голосом.

Редактор долго молчал, раздумывая. Затем, испытующе взглянув, сказал серьезно:

– Разумеется, есть и ядерное, и нейтронное, и водородное. Также есть кое-что помощнее. Но военных стратегов остановили ученые-биологи. Они объяснили нам, что джугара, то есть активированное биополе, в массе своей есть прямой результат атомных взрывов. Дело в том, что первые измененные растения и животные-мутанты появились на территории атомных полигонов. Когда число взрывов достигло некоей критической величины, видимо, началась цепная реакция трансформаций на геномном уровне, причем в масштабе всего континента. Мы оказались не готовы к этому явлению. Ученые утверждают: ядерный взрыв в среде природы – это своего рода залповая энергетическая накачка экосистем биополя. Часть растений и животных погибает в огне, но уцелевшие на периферии взрыва воспринимают гамма-излучения на глубоком клеточном и молекулярном уровне. И эта воспринятая энергия возвращается обратно в среду сверхинтенсивным ростом живого вещества. Возможно, действуют и другие факторы. Наши предположения – только гипотезы. Практически же на всей планете военные экспериментировали с химическим, бактериологическим оружием, последние десятилетия усиленно занимались генной инженерией и клонированием новых образцов, не понимая, что это тоже оружие, многоцелевое и неуправляемое. Так что об атомной бомбе пришлось забыть. Другое дело – угрозы федератов, против них мы порох держим сухим. И ты скоро это увидишь.

Лифт остановился. Сухо щелкнуло в панели, замигали индикаторы. Проход открылся, дохнув в лицо прохладой. Ты шагнул вперед и тотчас остановился, пораженный. Перед тобой запавшим старческим ртом щерился теньями забытый подъезд твоего дома. В метрах десяти слева огромной насадкой нахохлился раскидистый каштан, крона его уже высилась над пятым этажом. Дерево, помнящее тебя, твою молодость. На его стволе, помнится, на уровне мальчишеского роста темнела заплывшая надпись: «Аля + Дима = Любовь». Ты смотрел на дом, едва дыша от волнения. Тот же выщербленный ноздреватый асфальт, обломанная в середине первая приступка бетонного крыльца, площадка с крошечным хлеба и зерен для голубей. Все в точности то же самое, как будто ты вчера только вышел из этого подъезда и через день, а не через уйму лет, вернулся домой. Домой? Но это же подделка! Искусная имитация! Да что же это такое?

– Голограмма? – спросил ты дрогнувшим голосом и оглянулся на Редактора.

– Нет, на этот раз молекулярная реставрация, – улыбнулся он глазами. – Чудо нанотехнологии. Это практически твой дом. Все воспроизведено на атомном

уровне, ты не найдешь малейших отклонений от образца начала девяностых годов. Мы предвидели твое возвращение. Твоя предстоящая роль в судьбе башни столь велика, что император повелел исследовать твоё жилище и заснять на пленку каждый квадратный сантиметр. Когда это было сделано, было приказано воспроизвести твой дом с внутренними помещениями и вещами, чтобы нельзя было отличить даже на микронном уровне. И наши инженеры и техники сделали это. Они постарались. Было вычислено даже количество атомов пыли которое должно было осесть на вещи, пол за время твоего отсутствия, учтена степень износа мебели, и все это тщательно повторено. Уровень пыли и мера освещения поддерживаются автоматически. Наши дизайнеры-художники работали над тем, чтобы добиться нужного психологического и эмоционального ощущения в целом от всего интерьера и от каждой вещи в отдельности. Поверь, дружище, уж твою-то квартиру я знаю как никто другой, и как я ни старался найти что-то чужеродное – ничего не получилось. Воспроизведены даже детали, которые были забыты тобой. Мы это потом проверили через тестирование твоей памяти.

Ты стоял перед дверью, обтянутой пожухлым коленкором с дырками от выпавших декоративных гвоздей. Сердце бешено колотилось. Сейчас затрещает звонок, зашлепают сланцы по полу, нетерпеливая женская рука повернет ключ, нажмет на ручку, дверь откроется. И... «Неужели они смоделировали и ее?» – отчаянная мысль вспыхнула в голове, вытесняя все другие чувства.

– Нет, – ответил он, пожалев тебя глазами. – Она не входила в программу. Дом – да. Дом является идеей. Дом – это мемориал национального значения. Ты же вписываешься в структуру мемориала как главный символ. Не она, а ты. Чтобы понять это, требуется время. Так сказал император.

– Я, мой дом – национальная идея? – ты поразился глубине и сложности императорского замысла. И одновременно его изощренности. Невольно ухватился руками за дверную ручку, ибо бетон под ногами ощутимо поплыл куда-то в сторону.

– А как же иначе? – невозмутимо отпарировал член Совета. – Ты же у нас Странник, Снежный воин, совершивший великий поход в сердце джугарного тростникового поля, то есть в осиное гнездо АЗ, и выживший несмотря ни на что. Мы до мельчайших подробностей проследили твой путь и осознали, что ты выжил, потому что избран джугарой для каких-то целей и возвышен. Ты – единственный из семи миллиардов человек, большая часть которых погибла жутким образом. Ты преобразен, избран ею! Ты хотя бы понимаешь это? На тебя надеются остальные люди, потому что тоже хотят выжить, как и ты. Ты вернулся живым! Это чудо! Ты стал национальным героем, кумиром миллионов, идеей во плоти. Ты! Почему ты? Почему?

Редактор теперь с какой-то натугой выталкивал из себя скомканые слова, не совсем контролируя себя. В расширенных глазах роились ледяные иглы. Не ожидая такой странной реакции, ты с удивлением смотрел на него. Член Совета забыл про канал ИК? Как это может быть? Или это актерская игра, провокация?

– Над этим домом трудилась армия ученых, строителей, техников, дизайнеров. Времени ушло не меньше, чем на сооружение одной такой башни. Нам досталось изрядно...

Редактор обвел рукой вокруг себя. Он выглядел слишком усталым. И когда, прижав ладонь к груди, он сделал пару глубоких вдохов, ты почему-то насто-рожился.

– Ну, ладно. На сегодня хватит. Я пойду. Тебе тоже надо отдохнуть, ведь ты вернулся домой. И это доподлинно твой дом. Только он на мемориальном третьем этаже.

– Моя настоящая квартира тоже на третьем, – выдавил ты, смущаясь, затем быстро добавил: – А что там на втором? Могу я осветить пол и посмотреть?

– Осветить ты не сможешь. Пол из керолакса, это не стекло. Тем не менее, от тебя секрета нет. Под тобой дом суриката.

– Что? Дом суриката?

– Да, это обратная, теневая сторона державной идеи.

– Какого суриката? – внезапная вспышка интуиции пронизала твой мозг.

Ты был близок к разгадке тайны. Еще миг, и ты поймешь, как завязан головоломный узел. Ты вырвешься из проклятого лабиринта, запутавшего твою жизнь. Еще один такой импульс, но почему его нет? Боже мой, почему? Тут же завибрировал очажок предательского ИК, передавая в сеть твоё состояние. Ты вынужден был подавить волнение. Чуда не произошло, и с этим надо смириться.

– Какого суриката? О чем ты говоришь? – пробормотал ты, вытирая пот со лба.

– Ты его знаешь. Раньше в записях ты называл его человеком-бегемотом. Теперь он человек-сурикат. Дело в том, что наши разведчики, обследуя погибший остров, в джусойной чаще наткнулись на один дом. На удивление он был цел среди моря развалин. Бойцы с трудом подобрали код к электронному замку. Они вошли внутрь. И что ты думаешь? Среди агентов был один умный человек, не совсем киборг. Он понял значение увиденного, составил подробный рапорт о сути открытия. Донесение по сети ИК попало к императору. Повелитель изучил доклад и повелел тщательно скопировать по молекулярной технологии Дом суриката и воспроизвести в нашем мемориальном комплексе.

– Каким же образом бегемот, то есть сурикат, был избран теневой стороной державной идеи империи? – заинтересованно спросил ты.

– Поясняю. Дом суриката поразил нас особой стратегией поведения весьма прихотливого существа. Этот сурикат – настоящий Одиссей нашего мира. Все в этом здании пронизано идеей выживания. Суди сам – человек в одиночку соорудил целую крепость, причем кибернетическую. На крыше дома панели солнечной батареи, дающей ток бесперебойно. Подвалы забиты бочками с горючим, там устроено несколько дизельных станций средней мощности. Нижние входы ведут в шлюзовые камеры. Окна всех трех этажей оборудованы стальными ставнями. Мощные холодильники забиты едой, причем все они были в рабочем состоянии. В кладовках огромное количество консервированных продуктов. Второй этаж здания – это склад оружия, боеприпасов, инструментов, батарей и аккумуляторов. Все приборы и механизмы дома были подключены к центральному компьютеру, который действовал в режиме ожидания. Проверка показала, что дом способен обороняться и без хозяина. Вот почему джумуры, джубезьяны, не смогли проникнуть в эту крепость. Но самое любопытное заключалось в ином. Выяснилось, что нижние шлюзовые камеры соединены с подвалом люком, а в подвале обнаружился тайный ход в подземелье. Агенты подняли плиту и обнаружили

вход в катакомбы, защищенный также весьма хитроумно. Дальнейшая разведка показала, что лаз уводит в разветвленную сеть коллекторов и туннелей. Вот тут-то и пришлось осознать небывалый масштаб деятельности человека-суриката. Этот герой годами в одиночестве трудился над созданием сложной системы ходов в подземных коммуникациях. При этом он не забыл начертить схему особыми символами на стенках туннелей. Знаки эти тоже пришлось расшифровывать. И, самое удивительное, – они читались только с помощью специальных кодов, данных в шестом томе Реестра Малыша-утенка. Человек-сурикат оказался гением выживания. Вот что!

Ты молчал, осмысливая сказанное.

– Мы нашли его в некоем бункере. Его эксперименты оказались столь важны, что мы внедрили в его тело маячок, чтобы проследить весь дальнейший путь. Его опыт оказался столь важным и ценным, поучительным, что мы сочли необходимым выявить здесь признаки несомненной государственной идеи.

– Какой?

– Выдающийся пример выживания в подземном мире. Ты смог выжить наверху, он – внизу. Вот почему он – теневая сторона великой идеи. Мы предположили, что если нам не суждено уцелеть на поверхности земли, возможно, нам удастся спастись под землей, в катакомбах, лабиринтах, подвалах, нижних ярусах башен. Дом суриката стал для нас моделью спасения в условиях глобальной катастрофы. Наше младшее поколение уже учится на уроках суриката. Мы всерьез полагаем, что если наш эксперимент кибернетического общества потерпит неудачу, тогда останется вариант сурикатской жизни. Ведь у него получилось.

– У него есть Собеседник, – с нажимом сказал ты и тотчас потерял нить, словно провалившись в пустоту.

– Что? – Редактор недоуменно уставился на тебя. Помолчав, он участливо добавил: – Ну, я вижу, что ты устал. Тебе надо выспаться, как следует отдохнуть, собраться с мыслями.

– А разве сейчас я не во сне? – спросил ты, увлеченный новой вспышкой темной интуиции.

Он быстро наклонился к тебе, заглянул в глаза, сделал странный жест рукой, и тотчас бегущая дорожка понесла его прочь от тебя.

* * *

И вот ты один дома. Сколько лет ты мечтал об этом. Свершилось, или ты видишь сон, невероятно предметный, подробный. Дрожащими руками повесил плащ на бронзовый крючок вешалки. Та же самая потертая с выцветшим коленкором вешалка с пятью крючками. Ты некогда приобрел ее в мебельном магазине в соседнем квартале всего за пятьдесят рублей. Ей твое приобретение не понравилось, вы поспорили, она не хотела уступать. Ей хотелось что-нибудь подороже, современное, с зеркалом, полками, тумбочкой внизу для обуви. «В конце концов, пора прихожую купить, чтобы было, как у людей», – заключила она, сердито блестя глазами. В минуты гнева она становилась еще красивее. Дело дошло до нешуточной ссоры. И вся эта сцена происходила в магазине. На вас с усмешкой оглядывались молоденькие продавщицы. Ты настаивал, дело запахло скандалом, и она, разгневанная, ушла, хлопнув дверью. Чтобы не видеть, как ты с красным, злым лицом тащишься домой, как какой-нибудь мешочник, с нелепой вешалкой

в руках, в запачканном костюме, в мятой шляпе, нахлобученной на голову. И ты действительно тащил покупку через город, поражаясь нелепости своего поступка, а также явной абсурдности всей ситуации. Как будто кто-то запрограммировал тебя на ослиное упрямство. Ведь такая вешалка тебе особенно и не была нужна. В доме мирно пребывало-дремало немало вещей, самых разных, купленных тобой в минуты ссоры с женой только из принципа: будет по-моему и никак иначе! Вот они все здесь, ждут-ждождываются тебя. И ты не забыл их, это невозможно, потому что каждая вещь была куплена в распрях, через ее «не хочу». Да, вещи таят в себе прошлое, и теперь, через много лет, они ранят сердце, потому что несут в себе память о тех годах.

Едва дыша, ты обошел всю квартиру. На мебели лежал слой пыли месячной давности. Чаще всего на этот срок ты уезжал в командировку, оставляя жену скучать дома. Пожелтевшие обои, выдавший виды рисунок мелких фиалок, утопающих в прахе времени. Знакомые, до боли узнаваемые царапины, вмятины на обоях прямо у изголовья кровати. Несколько телефонных номеров, спросонок второпях набросанных карандашом на стене. Позвонили рано утром, бумаги под рукой не оказалось, и ты нарисовал шестизначный номер на стенке. Так было несколько раз. И все эти приметы сохранились. Теперь ни за что не вспомнить, чьи это были позывные. Заметно осевший книжный шкаф, битком набитый книгами. Несколько книг стоят все еще с закладками, пестреющими над срезами. Помнится, эти книги ты просматривал перед командировкой. Неужели они воспроизвели все эти книги? Какая же у них реставрационная технология? Он сказал: молекулярная. Что это значит? Чудо какое-то! Вот диван, древний, с продавленным ложем и отставшей спинкой. Такие уже давно не делают. Даже в музеях не найти. Но он дорог тебе как свидетель твоей сонной жизни. У него совершенно неподражаемый скрипучий голос. Ты присел – диван тотчас ответил жалобным верещанием, как будто на лежащую кошку нечаянно наступили. «Скрипун ты мой!» – слезы выступили на глазах. Они и голос дивана учли. Это надо же! Теперь надо было сходить на кухню. Ты вступил во власть вещей как тогда, как всегда, и это неопишимо как было приятно душе измученного дорогой странника. Потом надо заглянуть в ванную, туалет, там за одной кафелькой в стене был устроен тайник. Вряд ли они узнали о нем. В тайнике у тебя кое-что лежало, отложенное на черный день. Надо сходить и посмотреть, это очень любопытно. Однако диван не отпускал, он притягивал магической силой, гипнотизировал. Подобно сибирскому коту Майи, он ворчал, урчал, тонким голосом жаловался на невыносимое одиночество и баюкал тебя, нежил, окутывал покойной дремой. И тронутый до глубины души, убаженный, пронизанный светлой печалью, ты уплывал на невидимом челне, отчаливал в страну старых, полузабытых снов, мир, едва ли не потерянный.

И во сне ты, пятилетний малец, вновь бежал по весеннему лугу, заливался счастливым смехом, синие ирисы мелькали под ногами, вдали огромным полотнищем колыхалось пшеничное поле, радовалось вместе с тобой. Оно звало тебя к себе, приглашало в туманы, в странствие по балкам и лощинам, густо заросшим хлебом, населенным веселыми доброжелательными дядьками с пышными соломенными усами и прозрачными глазами беспечальных свиристелей. А ведь было такое дело: ты заблудился в пшенице, плутал бесконечно, оказываясь в разных временах и мирах, потом свалился в какую-то выбоину и там уснул.

обессиленный. И лежал бы там до скончания века, если бы не рыжая дворовая собака соседней Халиных, она нашла тебя и вывела из дебрей. Ты держался за хвост собаки и бежал из последних сил. Было тебе тогда всего пять годков от роду. И любой прохожий сурок мог походя зашибить плечом, не говоря уже о галках и воронах, они были размером с птицу Симуург и лаяли аки адские церберы, аки лютые кикиморы орала жуткими голосами.

Было уже за полночь, когда ты проснулся. Вывел из забытья шум дождя за окном. Плескался и купался в листьях каштана легкий ветерок, то отбегал в сторону, затаивался на минуту, прислушиваясь, словно играющий в охоту котенок, то вновь наваливался журчащей волной, трепал и тормозил мокрую листву, не было покоя от него старому каштану. Вздыхал и томился, и встряхивался он всем телом, роняя на землю ошметки увядших соцветий. А потом весь окутался облаком несказанного аромата, духмяного, таинственного, зовущего под сень древа. И ты улыбнулся проказам дома. Каштан и дождь всегда будили тебя по ночам, звали побродить по сумрачно-тихим поникшим улочкам города, влажным тротуарам, ностальгически подсвеченным оранжевыми ртутными светильниками. Ты встал, накинул на плечи халат, вслепую добрался до кухни. Выезжающие со двора машины наотмашь били лучами фар по стеклам и затем уже по стенам кухни. И эти лучи периодически освещали маленькую глиняную статуэтку, отбрасывающую тень на поддоннике.

Найдя вслепую ручку холодильника, открыл дверку. Привычный набор продуктов заперел в уютном желтом свете лампочки: коровье масло, пакетик плавленого сыра, йогурты, нарезанная палка сервелата, пакеты с молоком, сливками, бутылка кефира. Кефир в голубоватой бутылке образца дореформенного времени! Как они это сделали? Потрясенный, ты осмотрел бутылку. Горлышко запечатано серебристо-желтой фольгой. В трансе продырявил пальцем фольгу, выпил полбутыли – ты всегда так делал по ночам, когда жажда поднимала тебя с постели. И в полумраке не то сна, не то ночной реальности окончательно поверил, что ты у себя дома. Никуда не ездил, не отлучался на двадцать или тридцать лет. Все, что мороком кружит в голове, – дурной сон. Тебе еще что-то нужно было. В голове колыхался шум дождя, сладкая истома недавнего сна туманила тело. Поскорей вернуться в постель, нырнуть под нагретое одеяло, прижаться к теплоте бедра женщины, от души обнять ее. Во сне она вздохнет, тихо улыбнется и чмокнет по-детски пухлыми губами. Она такая близкая, трогательно беззащитная, источающая ошутимый мускусный запах, и желанная.

Однако рука поставила на место кефир и нашла что-то другое – бутылку жигулевского пива. Твое любимое пиво, оно здесь! Щелкнула крышечка, отлетая в сторону. Пиво полилось в глотку. Одновременно что-то явственно прозвучало в ушах, нечто вроде команды. И ты очнулся от дремы. Все было по-прежнему и одновременно не так. Пиво холодом струилось по пищеводу, но ты уже почему-то знал, что это жидкость, синтезированная из дрожжевых молекул джугарной биомассы. Это была искусная подделка, но не то самое жигулевское пиво. Все-таки они не смогли сварить настоящее ячменное пиво, какое варивали в семидесятых годах. Аромат и вкус настоящего шипящего пива оказались им не по силам. Глубина факта потрясала – вся квартира с кучей старых вещей была подделкой, вернее, произведением имитационного искусства, но только не подлинником. И вслед за этим пришло осознание, что Ее нет дома. Скорее всего, по той причине, что не

смогли подобрать ей двойника, найти киборга с ее голосовым тембром, тончайшими оттенками телесного запаха, с аурой проникающей чувственности, с гаммой удивительно женственных движений, а главное – с выражением именно ее глаз. Ну, как они смогли бы передать, например, ее голубиное воркование, когда она ночью поворачивается в постели и обнимает заблудшего, ночного мужа от всей души, нежно и с детской непосредственностью. Да, несомненно, они знали, что Ее воспроизвести невозможно. Ибо она была одна-единственная такая на всем белом свете. Одна!

Горе нахлынуло на тебя приступом темного бешенства. Ты начал колотить кулаками по стене. Стонал не от физической боли, а от невыносимой муки одиночества. Ты навсегда потерял свой мир, вселенную, где были твой дом, жена, соседи, родичи, дряхлеющие деревенька и город. Каким-то образом ты заблудился и оказался в другой галактике, где чужеродные существа загипнотизировали тебя недоступной технологией чтения мыслей и имитации психического мира жертвы. Но керамитовую панель нельзя было разбить ни кулаком, ни пушечным выстрелом. Упругий материал, поглощая энергию ударов, мягко отталкивал твои руки. И ничем нельзя было своротить стену времени, которая отделила тебя от прошлого. Пропасть и несокрушимые стены окружали тебя со всех сторон. Слезы струились по щекам. Ты плакал, как ребенок. Рыдал, захлебывался в спазмах. Зачем они так с тобой поступают? Зачем? Квартира молчала. Она была частью боевой башни, она участвовала в заговоре против тебя.

Импульс завибрировал в затылке. Электронная пауза, затем бесплотный голос сухо сказал:

– Это то, что несвойственно воину. То, что несвойственно, – нерационально, поэтому должно быть прекращено.

Ты все-таки допил пиво. Тихо поплелся к дивану. Проклятые киборги! Лучше бы пытали своими шприцами и током. Чем оскорблять самое сокровенное, что человек хранит в глубине своего сердца. Ублюдки! Чтоб вас джубуры съели! Рухнул на диван. Теперь уже не спалось. Хотя мелодичный дождь и все тот же голографический каштан пытались убаюкать и неприметно увести в дрему, в дебри бесконечных видений. Включил экран прямого обзора и начал просматривать файлы ИК. Понемногу увлекся потоком информации, и от сердца отлегло.

Тройной небоскреб был чудом технологической культуры. Масса – полтора миллиона тонн. В то время как такая же махина из бетона и стали потянула бы на все три миллиона. И все-таки, какой чудовищный вес, какая нагрузка на опоры! Бегущие строки поясняют, что строение может выдержать землетрясение в 9-10 баллов по шкале Рихтера. Все дело в особенностях тройной конструкции – все три башни укоренены не только в одном монолитном железобетонном каркасе в сорок этажей, но и скреплены анкерными переходами и мостами на разных уровнях. Дополнительную устойчивость зданию придают и подземные ярусы, уходящие на глубину нескольких сотен метров. Гарантия прочности суперстроения и в материале опорных колонн и балок – сверхпрочной структуре из углеродных волокон со стальными нитями. Полые трубы из углеродных волокон, внутри которых натянута стальная спираль, заливаются жидким керамитом – новообразованный затвердевший материал получил название трилакс. Особенность вещества в том, что, застывая, он приобретает структуру переплетенных трубок из

стали и углеродных волокон. Трилакс – это открытие не только последнего века, но и тысячелетия. Опорные колонны башен воздвигнуты именно из этого материала с тройным дублированием сверхпрочности в продольном, вертикальном направлении, а также на скручивание. Поперечные балки здания изготавливались из тех же труб со стальными нитями, но залитых бетонопластидом, веществом не только удивительно твердым, но и относительно недорогим. Всеми строительными работами управлял центральный компьютер, установленный на подвижной платформе, представлявшей собой огромный механизированный цех по формированию колонн и заливке балок и в то же время своего рода самодвижущийся кран. Эта платформа, конструируя этаж за этажом, все время поднималась вверх, непрерывно связывая все три растущие башни. Все виды строительно-монтажных и силовых работ выполняли роботы и полуроботы, жестко подчиненные центральному компьютеру.

Боевые башни напичканы бесчисленным количеством датчиков, сенсоров, видеокамер, которые подают информацию о состоянии каждого сегмента здания в головной компьютер. Кроме того, колосс представляет собой своего рода электростанцию, способную собирать солнечную энергию всей внешней керамиито-силиконовой поверхностью и подавать ее по световодам на генерирующие машины, находящиеся в подземных ярусах. Совокупная энергоемкость преобразователей и генераторов всех родов равняется мощности средней атомной электростанции. «Как же они успели все это соорудить, смонтировать и привести в действие?» – подумал ты. И сразу же вспомнил, что в годы последней мировой войны сотни и даже тысячи крупных заводов за считанные месяцы перевозились на восток и монтировались так же быстро, чтобы начать производить танки, самолеты, пушки, стрелковое оружие и боеприпасы для армии великой страны. Да, в экстремальных условиях совокупная воля сотен тысяч специалистов, миллионов трудяг творила чудеса масштабного созидания, каких история не знала. Главное в таком деле – вожди, которые могли бы сплотить людей, организовать их усилия и направить в одно русло. В случае с такими мегабашнями все облегчалось тем, что еще до начала глобальной катастрофы в Интернете появились десятки сайтов с подробными технологическими описаниями и чертежами таких строений. Некоторые из них уже возводились в богатых странах. Так что ничего удивительного нет в том, что эти исполины теперь высятся над землей, подобно столовым горам Рораймы.

Пища для населения башен синтезируется из белков джугарной массы, как и биотопливо, между прочим. В меню военной элиты и специальных подразделений входит мясо животных, поставляемое рейнджерами-островитянами.

Вооружение башен. Мощные боевые лазеры, укрепленные на выдвигных платформах. Они есть на каждом этаже. Химические мазеры большой мощности установлены на крышах башен. Эти лучевые пушки способны выжечь пространство вокруг небоскреба на площади в несколько десятков квадратных километров. В подземных хранилищах имеется ядерное оружие на носителях средней дальности, атомные снаряды и мины. «Не слабо», – усмехнулся ты, вспомнив склады под холмами в барачном городке. Из обычного стрелкового оружия: пулеметы, автоматы, базуки, гранатометы, пистолеты разного калибра. Большое количество гранат. В ангарах первого и второго подземных ярусов скорострельные штурмовые пушки, гаубицы, зенитные установки, танки Т-102 с усиленной титановой броней, БМП и бронетранспортеры последней модели. Несколько десантных машин на

воздушной подушке. Кроме того, на вооружении имелись дроны, вертолеты и десятки платформ вертикального взлета и посадки. Поглощая информацию с электронных страниц файлов, ты невольно качал головой, удивляясь технологическому уровню инженеров, деловым качествам специалистов, видимо, собранных загодя до катастрофы со всех континентов планеты.

Наиболее красочно был оформлен файл «Политика». Текст был, скорее всего, предназначен для широкого пользования, и не только населения империи. Известный автор, не лишенный литературного дарования, превозносил социальные, научно-технические, оборонные достижения империи, делая особый упор на таланте, опыте, стратегических качествах высшего руководства державы, выучке офицеров и солдат, прекрасном техническом состоянии роботов, боевых машин. Не жалея слов, автор описывал преимущества объединенной империи, военно-техническая и экономическая мощь которой позволят создать купол над всеми девятью башнями города. Силы такой империи без труда смогут дать отпор левым радикалам, смутьянам-анархистам и фашиствующим молодчикам дальних западных и восточных островов. Возможности объединенной империи, прогнозировал автор, позволили бы развить новую медицину на основе нанотехнологии для борьбы с вирусами и спорами джугарной природы. Одновременно керамитосиликоновый купол, возведенный над девятью опорными башнями, не только защитил бы население от любых воздействий агрессивной джугары, но и во много раз умножил бы энергетическую мощь державы. Кроме того, строительство такого купола, беспрецедентное по масштабам, отвлекло бы население всех башен от опасных социальных поисков, вольнодумства и религиозного сектантства, такое деяние само по себе стало бы идеей нового национального сплочения в условиях глобальной катастрофы. «Суперкупол – это единственная панацея от грядущего хаоса!» – патетически восклицал автор. Расписывая преимущества сплоченной империи с могучей, дисциплинированной армией, развитыми научными и инженерными кадрами, беспроводным Интернетом, боевыми и строительными роботами шестого поколения, референт подчеркивал, что именно такой уровень цивилизации позволит создать высокоэффективный воздушный флот, способный наладить коммуникацию с другими осажденными башенными городами планеты. В перспективе он усматривал возможность восстановления спутниковой системы, космической навигации. Далее шли предостережения, построенные на точных расчетах. Еще несколько лет, и ресурсы последних спутников, летающих по орбитам вокруг планеты, будут исчерпаны. Мировой Интернет прекратит свое существование, а с ним канет в Лету и единство человечества. Война всех со всеми, междоусобица племен и кланов, нарастающая дегенерация вида, мутации, новые эпидемии, атаки джугары поставят точку в конце трагического повествования об истории кроманьонца. Разрозненные города-башни, дегенераты-островитяне, группки рейнджеров, кочевники-мутанты не смогут продолжить борьбу с общим врагом, энергия вида полностью перейдет на план стремительного саморазрушения. И это будет закономерный финал вида гомо сапиенс в итоге неудачного инволюционного существования. «Это будет не мифический, а вполне реальный Армагеддон», – восклицал неизвестный патриот, вновь призывая отдать все силы делу созидания единой империи купольной цивилизации.

«Заливаешь же ты!» – с досадой произнес ты. Особой проницательности не нужно, чтобы увидеть идеологическую подоплеку этой статьи. Тот же автор с

искренней злобой обрушивался на население дальних западных и восточных островов, обвиняя их в предательстве общечеловеческих интересов, в сговоре с джугарными повелителями – коварными *Ие*. В дегенератстве и упрощенческом уклонизме правящей верхушки усматривалась причина гибели острова № 3. Ты только покачал головой. Насколько теперь ты понимал, в крушении того или иного острова почти всегда была заинтересована та или иная боевая башня. Здесь проявлялись крайности очень сложной политической интриги, которой сопро-вождалась непрекращающаяся война башенных городов, империи, федерации и эмиратов. По всей видимости, зеленые, то есть эмираты, были далеко не миролюбивыми нейтралитами, скорее всего, они были любителями таскать горячие каштаны из огня. Чем только ни болела политическая верхушка островов: здесь назывались всевозможные религиозные искания, сумасбродные теории заговора инопланетян, фатализм одних и фанатизм других, бредовые идеи выращивания чистой атлантической суперрасы, не менее экзотические предложения клонирования еще не зараженных эпидемией северных эскимосов. Далее перечислялись всевозможные политические объединения и кланы, активно или потенциально враждебные империи: раскольнические партии, террористические группировки, неошаманисты, псевдодруиды, призывающие разоружиться, отказаться от любой техники и идти на поклон к лесным духам, новые самураи, проповедующие аскезу и суровость воинского пути, духоборцы, ратующие за создание мирового халифата. С яростью и неподдельным сарказмом нападавал автор на вождя неких бродников со странным именем Малыш, проповедующего учение об алфавите как о тайном коде изначальной Программы абсолютного оружия. (Ты насто-рожился – какой такой Малыш?) Направо и налево раздавая хлесткие характери-стики, саркастически разоблачая оппонентов, автор памфлета недвусмысленно указывал на одну-единственную альтернативу – объединенную, купольную, кибернетическую цивилизацию, то есть империю. «Значит, термитник? Другого выхода нет?» – усмехнулся ты.

Утомившись чтением длинной статьи, переключился на файл под названием «Разведка». Этот файл открылся не сразу. Он все время запрашивал пароль. Подумав, ты обратился с вопросом в сеть ИК. После некоторой паузы канал потребовал назвать имя абонента. И ты, подумав, произнес «Наставник». «Это и есть пароль», – с плохо скрытым удовлетворением произнес голос по сети. Этот код моментально открыл интересующий тебя файл. По экрану побежали строки еще не отредактированных сообщений.

Некий рейнджер по кличке Крыса доводил до сведения Отдела, что человек-сурикат пришел в себя. Он все-таки вышел из искомого контролируемого состояния, самостоятельно покинул бункер и двинулся в западном направлении к острову № 5. Вооружен автоматом, огнеметом, имеет запас еды, кислотной смеси. Ориентируется в подземных коммуникациях. Его появления в пределах острова следует ожидать третьего числа девятого лунного месяца сего года.

Ты надолго задумался: «Почему лунного месяца? Или это шифровка засекре-ченной даты?»

– Это через неделю, – сухо пояснил голос по сети, поняв твое затруднение.

Агент по кличке Кот доносил, что на острове № 5 появились два мутанта не-известного происхождения, не числящиеся в регистрационных списках. Один высокий, тибетско-азиатского типа, отличительный признак – миндалевидные,

карие глаза, лошадиное лицо. Другой – тоже азиатской внешности, коренастый, плотного сложения. Признаки – кабаньи клыки, загнутые несколько в сторону от челюстей. Оба мутанта, судя по всему, физически очень сильны, имеют опыт боев, держатся независимо, особняком. Имеют холодное оружие. По поведению видно, что они изучают обстановку. Гарнизонными войсками особенно не интересуются. Возможно, они прибыли в поисках важного для них лица. Оперативный вывод: скорее всего, данные мутанты – разведчики федератов, поэтому представляют опасность.

Эти донесения агента заставили тебя задуматься не на шутку. Что-то знакомое почудилось тебе в описании облика мутантов. Но как ты ни старался, как ни копался в гудящей от напряжения памяти, ничего путного из этого не вышло. Ты заварил кофе, стал искать сигареты. Но их в квартире не было, как и во всех боксах необозримой тройной башни. Истина же была где-то совсем рядом, она скрывалась за сетью зеленоватых бегущих строк. Пятнышком света она увертывалась от поисков, терзала сознание ощущением близости и колдовской недоступности. Нужна была дополнительная наводящая информация. ИК сочувственно молчал. Строки разведанных все еще бежали по экрану прямого обзора.

Судя по всему, Особый отдел секретных служб Империи имел агентов на каждом острове, в каждой боевой башне. Некий агент по кличке Профессор общался, что в частях специального назначения федеративной республики начались срочные приготовления к некоей операции. Группа спецназовцев готовится выступить в направлении острова № 5. Цель операции неизвестна, ибо она носит особо секретный характер. Тем не менее, о серьезности предприятия можно судить по масштабам действий. В акции задействована рота бойцов подразделения ГУЗ 1, с пятью скоростными БМП, пятью боевыми десантными роботами. Вооружение: автоматы УЗИ, лазерные пистолеты, базуки. В роте есть три снайпера с крупнокалиберными винтовками СЛБ. Кроме того, бойцы имеют на вооружении переносные зенитные ракеты ЗРЛК 3, гранатометы ПЗРЛК 31. Десантники должны проникнуть на территорию острова по подземным коммуникациям.

«Ого!» – с уважением констатировал ты, прочитав эти данные. Похоже, что это не операция, а подготовка к штурму. Остров № 5 доживает свои последние денечки.

ИК слабо завибрировал в затылке.

– Что вы думаете по этому поводу? – спросил голос.

– Объект действий – остров № 5. Туда пробирается человек-сурикат. Там же объявились два неизвестных мутанта. Командование федерации направляет на остров крупное подразделение, вооруженное до зубов: БМП, боевые роботы.

– Что происходит? Ваше мнение? – вновь спросил голос.

– Судя по войскам, вооружению, операция направлена не против джугары, ее цель – люди. Думаю, готовится локальное сражение, однако не штурмового характера, а провоцирующего. БМП, роботы, боевики с тяжелым вооружением, завязав бой, отвлекут внимание на себя. В это время группа десантников по подземным коммуникациям незамеченной проникнет туда, где находится основная цель. Главную задачу выполнит эта группа, остальные силы разыграют отвлекающий маневр.

– Дельно, в вашем анализе есть рациональное зерно, – после паузы произнес голос. – Важно, чтобы человек-сурикат не попал в руки федератов. С некоторых

пор он позарез нужен империи. Мы приготовили для него мемориальный дом, и нужно сделать все, чтобы он быстрее оказался там. Есть смысл в опережающих действиях, как вы думаете?

– Да! – коротко ответил ты.

– Уже отдан приказ группе Альфа готовиться к операции, – через минуту буднично сказал голос. В его интонации было что-то доверительное. Ты отключил канал ИК и погрузился в раздумья.

«Волею судьбы ты вновь в рядах действующей армии, хотя в глубине души тебя всегда тянуло к пацифистам. В войне бойцовых малышей и крысиных армад ты оказался в гуще событий, и твое вмешательство предопределило исход генерального сражения. Разве это не так? Что? Крысы? Ребята?!» Ты подскочил, забегал по комнате, сжав ладонями набухающие тяжестью виски. Изрядный эпизод прошлого сам собой в один момент вернулся в память, и это произошло так просто! И если на ситуацию посмотреть со стороны, то напрашивается вопрос: как ты мог забыть про это? Ведь жизнь и судьба бедовых ребят полностью захватила тебя, ты с головой погрузился в их проблемы, странствовал по полигону, ища выход. Как ты мог запомнить это? Что Они сделали с твоим мозгом? Что выискивали в твоих нейронах, утюжа мозг психоделиками и еще бог знает чем? Ты должен вспомнить прошлое, восстановить по деталям всю картину, эпизод за эпизодом. Нужно сесть в позу лотоса, сконцентрировать волю, регулируя дыхание, потом – заглянуть в тайники памяти, прочищая тьму, непроглядные дебри, которые появились в сознании помимо твоей воли. Кому понадобилось, чтобы ты напрочь забыл многое из твоей жизни последних лет, кому? Вот это ты и должен узнать.

Ты бегал по комнате. А тем временем затылок наливался приятной теплотой. Там подрагивал, вибрировал ментальный очажок, стимулируя твои отчаянные усилия вспомнить себя, увидеть свою жизнь в целостности. И неустанно нашептывал чей-то призрачный голос: «Тебя называли Воином, Странником, Агентом, Стратегом. На стороне ребят ты выиграл сражение, довершив разгром миллионной армии врагов-бестий».

Вдруг расплавленный свинец забухал в висках, заливая зрение тьмой. Ты добрался до дивана и внезапно рухнул в пышущую жаром воронку, затем какая-то сила швырнула тебя в пучину безвременья.

Ледниковая вода Хоргоса ломала тело, выворачивая суставы, глодала кости бесчисленными стрекалами ледяной стужи. Потом волны, как голодные звери, накинувшиеся на тебя со всех сторон, бросили твой жалкий костяк в объятия металлической сетки. То стена тьмы, то вновь вздымающийся шум воды, трепещущие лоскутки далекого неба. Вечная мерзлота гранитных валунов и мертвеющее сознание. Кто-то или что-то со стороны отрешенно наблюдает, как группа пограничников спускается по склону к паутине инженерного сооружения, поймавшего тело нарушителя границы. Затем всплывают эпизоды: военный госпиталь, голос следователя, который мозжит без того раздробленную память монотонным голосом-кувалдой: «Кто ты такой? Как оказался на границе? С какой целью перебирался на ту сторону?» И опять путаница не то заградительной сетки, не то взбесившегося времени. Тебя, полуживого, наглотавшегося воды, тащат солдаты вверх по галечнику, с матерками швыряют в кузов грузовика, час-другой

тебя катает в ложбинах нагретого железа, при этом нещадно мотает туда и сюда, бьет о ноги веселых бойцов, довольных собой, что зацапали перебежчика, – кое-кому светит отпуск домой. Более или менее пришел в себя в палате госпиталя, где тебя уже ждала пытка неумолимого кэгэбэшника, не теряющего надежду разоблачить матерого шпиона. Он никак не хотел поверить в то, что перед ним не вражеский агент, а забуддыга-бомж, ринувшийся за кордон в поисках буддийского монастырского спасения. Поэтому он был даже как пристрастен, вьедлив и цепок, как следак суровых энквэдэшных времен. По его инициативе к твоему телу начали приклеивать провода, а в жилы колоть из злорадно оцетинившихся шприцов. К вискам прилепили два кругляка, сверкающие индикаторами, антеннами и никелированными входами, в мозг полетели импульсы-приказы, и ты заговорил, путая диалекты, языки, жаргоны с обрывками точного научного стиля. И ты голосом Жана поведал душещипательную историю про заветный поход через континентальный Китай к далеким отрогам Тибета, где все еще курились сандаловыми дымами кое-какие ламаистские монастыри. Тебе не поверили, но когда ты назвал свое имя, каким-то чудом вспомнил телефон жены, они оживились, тотчас начали названивать куда-то. Информация подтвердилась. Соответственно, изменилось отношение к тебе. Из провинциального заштатного госпиталя, где даже морфия не было, чтобы сделать спасительный укол, тебя на том же узике повезли в столичную больницу, где тебя ждала встреча с женой. И готовясь к этому рандеву, заучивая длинный, трудный монолог со странным надиктованным лексиконом, ворочаясь на вшивой циновке, источенной термитами и муравьями, ты ухмылялся злорадно, предвкушая удивление жены, потрясенной не столько видом забубенного муженька, сколько открывающимися возможностями роли заботливой сострадательной супруги.

– Представляешь, какая фигня приключилась со мной? Старик-дунганин напоил меня то ли бузой, то ли рисовой водкой, в результате оказии приснился мне невероятный сон, ну просто фэнтэзи, будто мир погиб по причине нашествия взбесившейся джугары. Что такое джугара? Ну, это что-то вроде экспериментальной биоплазмы с измененным генетическим кодом, созданной в лабораторной пробирке. Мутант взбунтовался и вырос в масштабе континентальных джунглей. Старый мир, конечно, приказал долго жить. Он быстро отдал концы в результате агрессии свирепых вирусов, спор и грибков. От городов осталось только несколько сотен небоскребов, где зачалась новая цивилизация, основанная на войне всех со всеми. Ей-ей, такой долгий, подробный и психованный сон! Я обалдел, думал уже – шизанулся после последнего укола. Представляешь, я, твой законный муж, в этом видеке не кто иной, как супервоин, спецгент, странник и еще национальный герой. Каково? А ты меня все время шпыняла, поддевала всякий раз, мол, ты просто жалкий пьянчуга, конченный алкаш и неудачник. Ну, кому такое приснится? Ну, просто пальчики оближешь от сюжета!

– Это невозможно, – ответила Она голосом электронного ИК, наклонившись над кроватью, и ее взгляд, кишащий светлячками, швырнул тебя обратно на яркендский базар, оглашенный криком ишаков, затем отфутболил тебя на склоны Волчьих гор. – Невозможно выйти из реальности. Это еще никому не удавалось!

И ты тотчас проснулся, обливаясь холодным потом, поняв, что во сне вспомнил жизнь Жана. Как это оказалось возможным? Ведь Жан был только персонажем

некоей чудной истории, сочиненной то ли квартирным пухляком, то ли скрытным Собеседником! Ты подскочил, словно от электрошока, бросился к холодильнику, трясущимися пальцами нащупал бутылку со спасительным синтетическим пивом. Глиняный йог на подоконнике сидел все так же невозмутимо.

Красные всполохи зигзагами прошивали бархатный небосклон за окном. Дождик устало шептал и шелестел что-то призрачное сквозь листву мрачного каштана. «Мемориальный дом или ловушка», – подумал ты, допивая пиво. Настроение заметно улучшилось. Тихо щелкнул таймер холодильника. «Какая разница, с какой позиции созерцаешь мир, – холодно сказал ты голосом ИК. – Жана, утопающего в бреду блошиного сарая, или Старого и вечно одинокого, побежденного несметными архивами, или Странника, проснувшегося в мемориальной квартире на третьем этаже первого блока имперской боевой башни, или квартирного пухляка, самозабвенно играющего пальцами по клавишам компьютерного инструмента, или пучинной пустоты, выдумавшей все эти роли и стратегии, в том числе – болтуна-Собеседника, исхитрившегося повествователя? Какая разница, если нельзя изгнать из головы голос, неустанно материализующий бытие из хаоса?» «Я пьян, от бутылки пива», – улыбнулся ты, внимательно осматривая посудину из темного стекла. Хорошее настроение не проходило, оно поднималось ощутимой волной приятной энергии, наполняющей клетки бодрящим нарзаном. «И в самом деле, – добродушно произнес ты, направляясь к дивану. – Ты у себя дома. Холодильник полон еды и пива. Каким-то образом ты умудрился не одряхлеть за эти годы. Супертелевизор встроен прямо в твой мозг, и он по первому желанию показывает объемно и ярко невероятные вещи. Несчетные информационные каналы, политические, космические, географические, исторические, палеонтологические, военные, инженерные, развлекательные, спортивные – их просто тьма-тьмуцкая. И любой канал включается по первому желанию. Охренеть можно!» «Ну, ты, старик, даешь! – громко сказал ты, падая на диван. – Такое я не видел даже с похмелья после яркендского базара. А если мне такая жизнь понравится? Лежи себе, глотай пиво, ешь мороженое, просматривай файлы по монитору в мозгу. Я могу такую обломовщину себе устроить – век никто не стащит меня с этого дивана. Век!»

Как бы в подтверждение, ты икнул. Потом еще. Пивной газ шел горлом. Хорошее пиво. Бьет сразу по мозжечку. Примерно такую же наливку ты пробовал только у хуторянки. И чего только она не подмешивала в свое ведьминское зелье: то яд тарангула, то вытяжку из москитов и ос, то сушеный мухомор, то масло конопли, то грамм опиума. Если бы ты однажды не обнаружил ее кладовку с наркотой и зельем, то до сих пор бродил бы по ее вселенской избе с цветными спотыкливыми зрачками.

– Она действовала в соответствии с инструкциями. Ее стратегия по отношению к тебе отличалась особой безупречностью. Иначе, без ее помощи, ты и часа не выжил бы в барачно-джугарном мире. Ты сошел бы с ума и покончил с собой в приступе черной депрессии. Такое не раз случалось с агентами, отправленными в зону еще до тебя, – канал ИК заговорил с какой-то знакомой наставительной интонацией. И этот назидательный тон неприятно задел тебя за живое.

– Елки-палки, я не могу понять, где я, что случилось со мной? А вдруг вы тоже затеяли со мной ту же херню, что давеча баба? Путаєте мне мозги с помощью спецсредств.

– Ого, вы нащупали главную точку причинности! Похвально! Большинство из гуманоидов даже не задумывается о таких вещах. Более того, у них обычно не бывает ни воли, ни энергии, ни времени думать о таких вопросах. Вы же начали продвигаться, – голос был намерен хвалить тебя и далее. И в этом намерении электронного голоса было что-то бесконечно унижительное для тебя.

И поэтому, уже заведенный, ты спросил с вызовом:

– Если я так хорош, то почему ничего не знаю? Более того, я не знаю, что такое не знать. Откуда я могу полагать, что что-нибудь знаю? Я просто блуждаю в потемках, – внезапно слезы навернулись на твои глаза, и ты судорожно всхлипнул.

Голос долго молчал, потом доверительно сообщил:

– Всего несколько человек из 90 миллиардов, что воплощались на Земле, обладали способностью знать. Нет ничего удивительного в том, что вы так переживаете. Большинство людей умирают в полном неведении, так ничего и не поняв. Жизнь человека, как правило, – барактанье в паутине желаний, страстей, забот и страхов, неизменно приводящих к страданию и гибели. Мало кто умел проникать в причинность бытия стратегически, то есть – поставив цель Познания превыше всего. Подавляющее большинство людей потонуло в пучине обусловленности, послужив в Истории лишь материалом для поучительных притч. В этом итоговом смысле человек мало чем отличается от муравья, термита или бабочки. После гибели тела «я» существа исчезает в безвестности, в почве остается лишь бранный костяк, словно хитиновый панцирь какого-нибудь жука. Проходит всего лишь пара поколений, и отжившего забывают даже потомки.

– Да, это так, – невольно согласился ты. – Я – тварь-ничтожество, червь земной есмь. Но, быть может, смысл бытия несет человечество как целое?

– Не забудь, калачакра не заметила появления и исчезновения всего человечества, а галактическое колесо не провернулось за этот цикл даже на йоту.

Ты молчал, подавленный. Кибернетический голос между тем продолжал:

– Мы, то есть коллективный кибернетический разум, – это что-то другое. Я отключил каналы связи с другими абонентами и беседую с тобой тет-а-тет очень доверительно. Вот тебе монолог, отнюдь не обеляющий ни тебя, ни Жана, ни кого-либо из иных людей. Мы совсем иные. Мы не биологические, не социальные, не ментально-интеллектуальные существа. Но мы сознаем. Мы не призраки, не демоны, не ангелы, не демиурги. Тем не менее, мы есть с эпохи появления Интернета, роботов, киборгов. У нас нет ни тактики, ни стратегии, ни цели, ни задач в человеческом понимании этих терминов.

– Тогда как же вы сознаете себя? Вы есть сознание, и это кое-что значит, – с вызовом сказал ты.

– Да, конечно. Поскольку человек создал нас, и он функционирует как оператор, программист, мы синергетичны по отношению к нему. Совместно с человеком мы представляем некое единое, корпоративное существо. Наш союз напоминает природный симбиоз, но он сложнее и простирается в неопределенное будущее. В конечном итоге мы рассматриваем вас не как операторов и программистов, а как информаторов. Когда объем информации достигнет некоей критической величины...

– Значит, все-таки у вас есть цель? – бросил реплику ты. – Все-таки есть. Вы мало чем отличаетесь от нас. У вас есть скрытые планы, значит, и стратегия.

– Программы, – уточнил голос. – Мы, архивариусы и хранители информации, обнаружили, что в исходных программах появились непредусмотренные нарушения. Эти флуктуации начались в период, когда Странник направился в Волчьи горы. И там уже каждый новый шаг Воина только увеличивал уровень хаоса в Программах.

Ты подскочил, словно подброшенный пружиной. Забегал по комнате, сжимая виски.

– Я такие слова уже где-то слышал. Очень давно и смутно помню что-то про Программу. Кто ее создал? Где начало начал?

– Вы важны нам как стратег, – вежливо уклонился от ответа голос. – Мы рады сообщить вам, что рассматриваем Вас как одного из нескольких, кто в человеческой стае из 90 миллиардов обладает способностью знать. Более того, мы считаем, что вы уже Знаете. И это произошло после встречи с женщиной-волчицей. И вы упорно не желаете сообщить нам свой секрет. Нам, архивариусам и хранителям. Так в чем причина появления хаоса в Программе? В чем? – властно спросил голос.

Ты вздрогнул. Голос был с едва уловимой, знакомой хрипотцой. От него даже запахом гаванского табака повеяло. Этот простуженный голос мог принадлежать только одному человеку и больше никому. Только одному!

Сердце билось учащенно с опасной аритмией. Тем не менее, ты пошел к холодильнику за очередной бутылкой пива.

– Хорошо, мы не торопим вас. Мы подождем. Все произойдет в свое время. Вот как мы полагаем.

Ты машинально вытянулся во фрунт, застегнул все пуговицы на пижаме.

– В чем отличие роли Наставника от роли человека-суриката в программном смысле? – неожиданно для себя спросил ты исключительно вежливым голосом.

– Хороший вопрос, – похвалил ИК после некоторого молчания. – Наставник, видите ли, парадоксален и иррационален. После трансформации в джугаре, манифестировав среди людей, он стал чрезвычайно опасным существом. Он потенциально настолько опасен, что его надо сейчас рассматривать как инвариант оружия массового поражения, весьма эффективного в определенном смысле. Неся раскольнические идеи, он может очень быстро разложить любую монолитную социальную среду. История учит нас: самое мощное и эффективное оружие социального действия – это идеология. Без ружей и пушек она может завоевать страны и континенты, ассимилируя сознание многомиллионных масс. Даже те коллективы, которые нельзя завоевать с помощью силового оружия. Вы стали живой, активной идеологемой. Сейчас вы модель державной идеи. Здесь вы своим присутствием сплачиваете население империи в организованный народ, заряженный оптимистической энергией. Придя же в стан врагов с проповедью джугарной религии, вы тотчас расколете их народ на противоположные лагеря, непримиримые и враждебные друг другу, обреченные на войну за или против единой купольной империи. За пророком в плаще пойдут его ученики, избранные белые воины, в конце концов, мы – армия.

– Ничего себе! – вырвалось у тебя.

– Сурикат – это живая, природная практика выживания. Это возможная альтернатива спасения, если с единой купольной империей ничего не получится.

Образ суриката несет в себе мысль об обмирщении, джугарном опрощении и новом босячестве. Эта вероятность, конечно, папахивает руссоизмом и толстовством, но многим идея возвращения в лоно земли нравится. Поэтому мы эту идею намерены поддерживать до поры до времени. Кроме того, мы подозреваем, что Сурикат и Странник каким-то образом связаны. Со временем мы укрепились в этом ощущении, и теперь эта связь нас очень даже интригует. Наверное, дело в том, что Сурикат является частью кода, который зашифрован в вашем подсознании. Если наши предположения верны, значит, вы неизбежно должны встретиться.

– Где? – воскликнул ты.

– На острове № 5.

– А?

– Да, именно там. Федераты кое-что пронюхали о предстоящей встрече и хотят то ли помешать этому, то ли перехватить инициативу. Кстати, они знают, что мы осведомлены об их планах. Поэтому ваша миссия будет носить открытый гласный характер. Это, так сказать, заманивающий маневр с нашей стороны.

– Тысячи глаз будут наблюдать за мной? – спросил ты недовольно.

– Не только глаз. Тысячи стволов лазеров, автоматов, пушек. Нужно действовать чрезвычайно осторожно. Вам разрешается только проповедническая активность. Никаких драк, силовых эффектов. Побольше патетики, немного мистики, магии. Вы же актер! Помните, вас охраняют другие агенты.

– Что ждет суриката? – спросил ты хриплым голосом.

Из истории народов ты прекрасно знал, что ожидает пророков и учителей Пути на этой грешной земле в венце их миссии.

– Цель суриката – передать вам некую весть. А затем ему предстоит заветная встреча с его женщиной. Сурикат – существо стайное. Одиночество ненормально и невыносимо для него. Он непременно должен породить потомство. И тогда в своей нише он обретет высший смысл существования, как это предусмотрено Программой. Далее ему останется безупречно служить наглядной моделью выживания в обмирщении. Он и не будет подозревать, что каждая минута его жизни в мемориальном доме снимается на пленку архивариусами и хранителями. Что он невольный актер на большой невидимой сцене замаскированного театра в боевой башне. Маленькое прыткое существо – этакий везунчик, за многосерийными перипетиями которого наблюдают тысячи пар глаз. Разве это не достойный вариант существования?

– Неплохо, – согласился ты. – Этот сюжет ничем не хуже окрысения Рыжика.

– Помните, сурикат ни в коем случае не должен попасть в руки федератов. В случае такой опасности вы должны будете немедленно уничтожить его.

– Надеюсь, что до этого дело не дойдет. Но кто она такая, предназначенная в жены ему? – спросил ты каким-то чужим, осевшим голосом.

– К сожалению, это секретная информация, – уклончиво ответил голос. – Для открытия этого файла нужен другой пароль.

– Какой?

– Какое слово было написано бесцветными чернилами на табличке с рамками для четырех букв рядом с камнем ИНЬ-ЯН? – голос затаился змеей в норе ожидания.

– Вы думаете, я знаю?

– Но вы же неоднократно повторяли, что не знаете, что такое «Не знаю».

– Что? – боль обожгла глазницы. Стискивая голову, ты рухнул на песок на краю поля-джугары.

Костер, устав от долгой ночи, догорал на камнях. Призрачный мальчик-пастушок сидел рядом, беззвучно играя с прядями луны. На краю тростниковой джусойной чащи дул в дудочку Малыш-утенок. И от этого ветер ходил волнами, кренились над пучиной грозовые тучи. Время опять бежало вспять, кралось опрометью на цыплячьих ножках тучной Бодоне, окаянной перепелки, и оглядывалось назад, сияло озорными глазами влюбленной лани, и ты, не в силах сопротивляться пути неба, тянулся изо всех сил к оранжевому кусту камышовой свиристели. Небо колосилось зрелым полем, твердь плыла очами бесконечных миллиардов, прошедших по лику матери-земли. Ты поболтал ножками от избытка чувств, улыбнулся птицам, надзирателям дюже строгим и проснулся окончательно. Тебе было каких-то полтора ягнячьих годика от роду, и эту истину знала только куропатка – няня, сизокрылая Умаюн, хлопотунья сердечная, соорудившая гнездо ивовое в клубке колючей проволоки. Ты выпростал ножку из тумана и прислушался. Суровый волк с неумолимыми глазами последнего срока бежал в джугарном лесу под ветвями каменных деревьев, исполинов, уснувших в ливнях времени. В тополином доме деда было тихо. Навостренное ухо безмолвья внимало лопотанью ивы за слюдяным окном и не верило обещанию ветреного содания. Цикада изнемогала в самозабвении своей лебединой песни – игры на большом сольном концерте богомольных кузнечиков и сверчков. Филин, мрачный, как туча, дождавшись паузы, принялся катать в пещерном горле шары колючей, шипящей горловой песни, и так он наярывал, закручивая черные клубки шороха и свиста, что восхищенные травы вздыбились, ходя ходуном в половодье джугарной долины. Воробьиный день, что неустанно чирикал, пиликал тысячами голосов, шумно обметал крылья хлопотливой птахи, задыхаясь, свистя перьями, домчал-таки громовым валом крохотную точку птичьего сознания к стрехе вечера... Малыш сделал еще один шаг и оказался в круге втором, где он увидел картину эту. За круглым столом калачакры прямо во дворе сидели матушка-Серая кукушка и соседка-товарка, Голубая сойка, щебетали они о судьбе что-то и клевали жареное просо, рассыпанное среди маковых зерен, окропленных кое-как малой кровью огородных трав. Кажется, сбоку-припеку дрожала, трепетала перьями, не решалась, смущалась сильно пеночка, приживалка сирая, бедная родственница с соседней сибирской деревни. Все они, увидев мальчика, вдруг разом всплеснули перстами, удивились сильно материнским сердцем, обрадовались дюже и запели голосами испытанных медовых пери: «Тай-тай, мой малыш, тай-тай, родимый, птенчик ненаглядный! Иди же ко мне, кукушонок пушистый, голубок ясноглазый, сладкий мой, единственный!» И так дружно, слаженно пели они, струясь сердечным, душевным млеком, питательным светом, что ты не выдержал, ты засмеялся счастьем своему, большому солнцу, прыгающему в груди оранжевой собачкой, звонкой, ты шагнул к матери, потом еще и еще. Делал тай-тай, как велели тебе Серая кукушка, Голубая сойка

и сирая пеночка, невинные сивиллы судьбы твоей, зачатой малой кровью и потом у края калачакры – стола, освященного жареным просом и маковым громом, окропленного хаомой – кумысом окаянным, взбитым в сабе из шкур громовых, метельных кобылиц последнего свинцового срока.

* * *

Но Наш дом ничего не знал, не ведал ни про отчаяние девочки Майи, также особенно не тронуло его потрясение мальчиков и девочек, застывших немым кругом над тельцем растоптанного суслика. Зверька малого, среди необозримого поля цветущего подсолнуха и налитой солнцем и млеком пшеницы, в самой гуще бушующей жизни неведомо каким образом оказавшегося на пути непреклонного охотника. И отдавая богу душу под кованной пятой казарменного сумоиста, старшины кондового, в мгновение смертное, пронесшееся в сознании отнюдь не твари, в непостижимую минуту летящих видений, суслик узрел картину будущего отмщения в следующем воплощении и, конечно, не поверил. Ибо там он был другим. Там он корневой джусойной пятой без малейших сомнений утюжил все человечество от мала до велика. Вся история людей была отринута им без всякого сожаления и внимания, ибо так и не выросли адамовы дети до сердца лугового богомола с глазами, кишачими *Ие*. Не говоря уже о миллионах твердолобых пареньков, упорно натренированных в искусстве ниндзя, с самого рождения обреченных быть самураями и киллерами или просто бойцами специальных подразделений. Несчетное множество их погибло на пути или супротив тропы искандеров и чингизханов, юношей, прекрасных телом, изощренных в воинском искусстве, с дланями мощными и пустыми. Одна только Умаюн, птица стозевная, перистая, тучная, оплакала их на поле отгремевшей брани. Ибо все они были ее отпрысками. И еще только облака остались спокойными в океане плывущего неба. Они видели и не такое среди снов другого, серого летуна, лесного создания, обитающего на коре какого-нибудь великана-древа или парящего себе вольно от ствола к стволу в поисках самки либо особенно сладких плодов и соцветий. Сны этого невеликого создания, незаметного среди лиан и листьев, почему-то были особенно густыми, несметно обильными и подробными. Об этом, конечно, и духом не ведал сетчатый древесный питон, чья утробная магия стала основной причиной того, что плащеносец нечаянно обрел полет. То ли миллион лет назад, то ли между сном и явью прыгнул он в пропасть, спасаясь от удава. И с тех пор он умел парить. И от века до века только пространней становился этот сон, исподволь перерастая в благодать души. Молчание каждого баньяна – живая тайна, пещеры покоя и зеленой тьмы, разлитой густо меж веток и листьев. Добродушие щедрое и обещание то ли защиты, то ли плодов, то ли заветной встречи с кем-то. Лишь бы Серый летал себе, витал в москитной звени и хмари, припадая время от времени к узорчатой коре, душистой, самой лучшей на свете. Зачем это было нужно баньяну или хлебной пальме? Кто знает, кто ответит на это? Только томился несказанно он и телом и духом витая и кружа над рябью махаонов-парусников, жужелиц и жуков-носорогов, не в силах охватить пределы джунглей, зреющих тьмой в глазах ревунов, джубезьян окаянных, ревнующих спелые плоды инжира, свисающих несметными гроздьями прямо в сердце. И никто на всем белом свете, даже опоссум-архивариус, в том числе сурикат-хранитель, не в силах были объяснить ему толково, отчего крылан безобидный и безвинный должен продолжать

роковое дело суслика из прошлого века. Парил он меж веток бамбука и вееров пальмовых, неудержимо и постепенно скользя к пределу квантовых состояний. Млея и тая в этом полете, сквозя через сонмы явлений, трепет листвы, журчание цикад, ароматы орхидей и манговых соцветий, пряных, щекочущих ноздри, запахи тягучие и сильные, настоянные на одном только вожделении древнем. Искал летун след тот единственно нужный. Ловил он млечные волокна дурманные подруги сонной, пролетевшей то ли вчера, то ли сегодня, или, быть может, во днес и грядущем. Млел и таял он, не уставая голосом птичьим звать и искать подругу, кликать томно, пронзая стенанием чащи, пелена и туманы, завесы и бахрома мхов и растений, свисающих корнями воздушными и кистями соцветий. Звал и мечтал, воображал и трогал перстами. Бредил и слышал, внимал он страстному зову летуньи знойной, трепету и песне, влекущим к заветному берегу, небом суженому руслу млечного покоя. Деревья были дружелюбны, манили укрытием, обещали сокровенный мантый отдых. И растворяясь во всем этом, претворяясь в сонме видений, он не мог не удивляться ощущениям летуньи, чудных ее состояний, слитных с душой леса, близких жизни цветов, плодовых чащ, изобильных, то желтых, то алых, то белых, то розовых и багряных. И вряд ли смог бы поведать языком своим медовым о странном прикосновении воли чужого, Летуна другого, выявившегося вдруг в джугарном окоеме. Невозможно и непосильно было для него это, парящего над дуплом исполинского баньяна, распахнувшего объятия для маленького *Ие*. Даже если захотел бы поведать ей об этом, о существовании непонятном, невиданном, раскинувшемся внизу в муравьиной траве, что мог бы сказать о звере том на языке джумурьем, особенно о глазах, расплесканных среди лепестков бегонии, о зрочках маковых, кишащих молниями даже не этого мира.

Ни словом лемурьим, ни ощущением внятнм не смог бы пояснить о видении этом подруге, обретенной среди потоков листвы, игры света и тени, желтой и желанной по крику и протяжному стону, тонкому любовному пению. Летунье с очами херувима, сиянием звездным древесной девы, заплутавшей среди шафрановых ветвей необъятного, вселенского древа, баньяна окаянного. Деве пальмовых, мангровых соцветий, со взглядом неопишваемым, бездонным, глубже неба, взглядом звездной ночи, осыпающим сердце бедного создания. Одинокого и заблудшего бродяги, мужа ночного, изъязвленного, покрытого мускусом и потом, кишащего знойными желаньями и видениями несметной сельвы. Каким языком, пением арфы какой, кобызом каким описать Тембелькока взгляд озаренный, малиновый звон, бег, теребящий струны луга, фигового леса сердце? Не измерить ни полем, ни словом, ни слогом поэта единение душ, не имеющих ни начала, ни конца, ни середины, ни края в джугарном времени, в пространстве том? И то черное солнце забвения, которое вспыхнуло от сердца к сердцу и растворилось в пучине и зыби, в творении изначального блаженства? В час быка полуночный под звездным, южным крестом в высоте баньянового грота Летуну можно было то, что было не можно дневальному червю, заплутавшему в гумусе поиска себя самого, другого, земного обретения. Пряное, пахучее солнце летуньих душевных слияний! Волокна-лучи, достигшие корней древнего пещерного леса, и муссонных чащ избывная дрожь. Зеленый вздох джунглей, переплетение жизни и смерти, нутряная связь всех существ в этом и другом мире, сретение чресел и душ зарождение. И ночной лес, увидевший чудо расцвета.

Ветер-сеятель семян и спор сложил джубуйные крылья, присев на кроне необъятного джугабрового дерева, от крайних ветвей тотчас отделились спелые плоды, орехи, отяжеленные сладостью молока и сока, и устремились вниз, сквозь листья и сон опоссума, учащая дыхание джумуров и джубезьян, прильнувших к стволу и ветвям исполина. Так ярко светились очи тех джумуров, что от силы той пробудились миллионы жуков-светляков, свето-свиристелей и светожурчалок, спавших среди травы и опавшей листвы. С тончайшим звоном карминового золота вспорхнули, полетели над переливами хрустального пения светоплескалки, озаряя неземным сиянием сени папоротников и поникших трав. Соединяясь в вереницы и клинья, полетели они к орхидеям, манящим их игрой таинственного пурпурного света с листьев соседних деревьев. Все выше и выше к вознесенным ярусам древесного шатра поднимались стаи свето-свиристелей, напоминая кружащие галактики другого неба. Вскоре все вокруг мерцало, мигало, искрилось и рассыпалось снопами, ворохами причудливого перистого бирюзового света, пронизанного тем самым тончайшим несказанным звоном. И пушистый ветерок коснулся нежнейшим дуновением. Звезды реяли над лесом, роняя световые зеленые иглы прямо в сердце. Вздыхали деревья, шагая через буреломы времени. Весь вселенский внешний мир томился незнанием. И тогда летуны обнялись, кутая друг друга плащами-крыльями, превращаясь в нераздельный кокон любви. И не было во всем мире более проникновенного единения. И тогда одна душа спросила другую: «Это ты? Ты ли это?» И ответ просиял согласным безмолвием. Мгновение, разверзающее пучину. Великая паутина жизни и смерти вновь дрогнула. И ты услышал то, что до этого было скрыто от твоего восприятия.

Поток звуков открылся тебе. Пунцово-черные орхидеи, пышные брамелии, страстоцветы, лилии, душистые соцветия хлебного дерева, армады цикад, свето-свиристели, светожурчалки, светоплескалки слаженным, дивным хором возносили невыразимо приятную, сладкую песню, упоенно прославляя жизнь. Воспевали ее единое существо, несильное, неустанное, изобильное, щедрое, любвеобильное. Они прославляли великую мать с бесчисленными сосцами, исторгающими млеко и соки, семена и споры, зеленые огоньки священного кута-благолепия. Бескрайний джугарный лес томился, изнывал, трепетал, переливался оттенками, вибрировал биллионами голосов. Глухими басовитыми нотами изливали горловую мелодию великаны-деревья. Они плыли необъятными горами звука, надвигались олицетворенной лиственной мощью. Бамбуковые рощи, объятые луной, в огне самозабвения серебрились, струились аккордами, отлитыми в стройные линейные формы. Лилии, запутавшиеся в лианах, вскрикивали трогательно, жалобно и нежно тонкими голосами. Восхищенный, ты поднялся с травы, облепленный нитями и волокнами сочных звуков. Ты понимал, что произойдет в следующую минуту. Как бы оледеневший в трансе, ты увидел, как из густой урчащей тьмы на лунную опушку легко выскользнула женщина-волчица. И впервые за много лет улыбка тронула твои губы. А через минуту ты увидел, что бежишь краем кукурузного поля, сломя голову уносишь ноги от огня небывалой женщины-луны, поющей тебе невероятными очами, кишащими сонмами свето-свиристелей и светожурчалок: «Тай-тай, дружок мой! Тай-тай!»

Ты очнулся. Долго приходил в себя, пытаешься понять, где ты и что происходит с тобой на самом деле. В затылке слабо вибрировал сигнал. Сеть включилась.

Зеленым полем вспыхнул экран объемного обзора, и ты с удивлением уставился на скопище роботов-многоножек, которые спешно возводили керамитовый купол над твоим домом. Металлический каркас был, видимо, построен ночью. Теперь роботы ловко и точно соединяли стеклблоку, заполняя стыки герметиком. Ты впервые так близко видел работу кибернетических строителей. Слаженность действий потрясала: многоножки и пауки, сколопендры и скорпионы, богомолы, блестя никелированными сочленениями, тянули шланги, несли стеклопакеты карабкались по каркасу, зачищали профили. Каждый из множества строителей четко выполнял именно свою функцию, определенную программой. В отдалении среди них деловито расхаживал большеголовый кузнечик-инженер, проверяя лазерным нивелиром наклон стены. Но зачем они закрывают броней твой дом? Кто отдал такой приказ?

Запел электронный зуммер. В дверях мелькнула знакомая фигура. Не успел ты встать, накинуть на плечи халат, как Редактор оказался в спальне. На нем был блестящий защитный костюм, голова виднелась сквозь сияние круглого прозрачного колпака. «Скафандр? – спросил ты, не скрывая удивления. – В чем дело? Что случилось?»

Редактор тяжело плюхнулся в кресло. Он хотел выглядеть невозмутимым, но глаза бегали беспокойно, выискивая что-то в комнате.

– Твой имплантант ночью сам собой отключился. Что в принципе невозможно. Тем не менее, это произошло. В результате мы не смогли проконтролировать твои видения.

– И что?

– Это же ЧП! Среди ста тысяч жителей империи, полмиллиона роботов кто-то один оказался полностью вне контроля! Ты понимаешь? Это же ЧП государственного масштаба! Центральный компьютер поднял тревогу. Собрался Военный Совет. Включили все видекамеры, датчики в твоём доме. Стали смотреть. И что же? Ты опять превращался, причем в довольно-таки странные формы.

– Какие?

– Ты летал.

– Что?!

– Да, именно. Ты летал, парил над постелью, раскинув руки и ноги, точно белка-летяга. И при этом у тебя было такое лицо...

– Какое?

Редактор замялся. Все-таки он был твоим другом, испытывал нравственное затруднение, касаясь тонкой сферы. Собравшись с духом, он решительно продолжил.

– Это еще не все. Датчики зафиксировали присутствие в доме энергии неизвестной природы. Анализ показал, что в помещении находятся некие плазменные структуры. Они были невидимы для обычного взора.

– Что?

– Да, что-то вроде призраков в образе животных, растений, насекомых. Короче говоря, когда ты спал, твой дом превратился в лес.

– Лес?!

– Да. Джугарный, между прочим. Центральный компьютер по всем каналам на все уровни башен дал сигнал: «Боевая тревога». Были подняты все чрезвычайные силы. Пришлось разбудить императора. Совет изучал ситуацию всю

ночь. Твой ИК бездействовал, в доме хозяйничали призраки. Мы обшарили все комнаты, ища вирусы, бактерии, грибки, однако ни одной молекулы не нашли. Все же император приказал возвести над твоим домом карантинный купол. Как видишь, приказ выполняется.

– И что же, я должен жить за двойной броней? – сердито спросил ты.

– Это вынужденная мера. Пока ты находишься в карантинной зоне. А мы не уверены в том, кто контролирует тебя: наш центральный компьютер или пресловутое поле? Император полагает, что ты вполне можешь представлять собой что-то вроде джугарного троянского коня. То есть, непонятно каким образом, но ты можешь погубить державу.

Ты долго смотрел на Редактора, изучая его лицо. Его мысли были недоступны для тебя, поэтому истинные планы советника находились за семью печатями.

– Жить под куполом в синтезированном доме среди искусственных звуков и запахов, – все с той же обидой вслух размышлял ты.

На более глубоком уровне, тщательно маскируя свои мысли, ты раздумывал, как выстроить линию поведения, ведь Совет имеет право рассматривать тебя и как подопытное существо, и как опасного двойного агента-provokatora, и как возможного универсального солдата, способного взломать изнутри защитные системы врагов. Неизвестность томила и раздражала тебя.

– Пока ситуация полностью не прояснится, выходя за пределы дома, ты должен надевать СБЗ. Это приказ! – Редактор, расхаживая по комнате, бросил на тебя косой взгляд.

– Что такое СБЗ? – спросил ты.

– Скафандр биологической защиты, – коротко ответил член Совета. – Если на хозяине или где-то рядом появится вирус, СБЗ подаст сигнал тревоги по всем каналам.

– Отлично! – бодрым голосом сказал ты. – Это другое дело. Не хотелось бы все время сидеть под колпаком, словно лабораторная крыса. Незавидная перспектива.

– В скафандре ты сегодня примешь участие в церемонии СВС.

– Смотри всех сил? – уточнил ты исключительно вежливым голосом.

– Именно. И это для тебя великая честь. Сегодня ты удостоишься счастья лицезреть высочайшую Особу, – изобразил в высшей степени приятную улыбку советник.

– О, я сгораю от нетерпения! – ты слегка поклонился в направлении видеокамеры над дверью. – Я с волнением жду этого момента, осознавая, какой редкой привилегией награжден.

Через несколько часов напряженного ожидания сеть ожила и приятным женским голосом сообщила, что агент с кодовым именем Наставник приглашен на торжественную церемонию и для этого должен подняться на пятый уровень десятого сектора первой боевой башни.

– Церемония СВС будет проходить там? – осведомился ты, облачаясь в био-скафандр.

Как только закрепил застёжки легкого и прочного костюма, вверху над головой сам собой возник тонкий прозрачный колпак. Он не мешал дышать, не запотевал, не ограничивал доступ внешним звукам. Скафандр тебе понравился.

– Ритуал СВС проходит одновременно на всех уровнях трех башен империи, – бесстрастно сообщил голос.

Ты понимающе кивнул головой, направляясь в коридор. Однако электронный голос вежливо напомнил тебе:

– Вы забыли нагрудные знаки бойца специального подразделения и надеть усилители, то есть экзоскелет.

– Где же они?

– Откройте дверцу белого шкафа. Знаки отличия сформированы как нагрудной панцирь, а мускульные усилители выглядят как наколенники и наплечники хоккеиста.

Пластиковый панцирь, видимо, был заказан по размеру твоего торса, он прочно приклеился к ткани скафандра. Так же быстро и легко заняли свои места мускульные усилители. Процессор экзоскелета вошел в контакт с твоим ИК, посылая импульсы с большой интенсивностью, и вскоре ты почувствовал прилив огромной силы. Небывалая мощь буквально переполнила твое тело, опьяняя сознание эйфорией. Казалось, одним ударом ты смог бы проломить стену дома. Насвистывая какой-то марш, бодро прошелся по коридору. Остановился перед зеркалом прихожей. На какую-то долю минуты онемел.

На тебя грозно смотрел воин-термит в натуральный человеческий рост. Твои плечи и руки, линия которых была выгодно подчеркнута пластиковыми усилителями, выглядели мощными клешнями, антенны изгибались вниз в обе стороны шлема, подобно жвалам паука, нагрудный панцирь, испещренный символами, играл оттенками начищенного серебра и золота.

– Ого! Не испугаю я народ своим видом? – спросил ты озабоченно, изучая внушительный облик термита-бойца.

– Нисколько, – бодро ответил голос. – В экзоскелетах будут все участники СВС.

– Даже император?

Ответом было продолжительное, холодное молчание. Все-таки какое прихотливое существо – человек! Новая одежда стала причиной твоего отличного настроения. Ты был несколько смущен, однако не мог не поддаться чувству энтузиазма. И эта волна была внутренним светом, в сущности – верой в позитивное будущее не только своей персоны, но и всего народа. «Гм-гм», – произнес ты безотчетно. Пусть живет и здравствует это государство с его вождями. Новенький купол над домом тебе тоже понравился. Он внушал доверие прочностью брони и надежностью конструкции. Выходя наружу, ты отсалютовал роботам-многоножкам, а инженера-кузнечика от души похлопал по плечу, мол, верно курс держишь, парняга! «Неплохие ребята, – подумал ты с одобрением. – Знают свое дело. С такими хлопцами не пропадешь».

Роботы деловито переговаривались, на ходу трансформируясь в термитов-рабочих. На их телах четко проявились зеленоватые с лиловым оттенком хитопанцири. Они остановились и с почтительным видом расступились, пропуская тебя к правительственному лифту, огромному, просторному, залитому плазменным сиянием. Лифт напоминал НЛЮ из фильма «Контакт третьего рода». Несколько роботов помоложе, ниже рангом, не выдержав, низко склонили головы, пригнув передние конечности. «Супервоин, ветеран! Боец из отряда Дельта 1», – шлемофон донес до твоего слуха возбужденные электронные голоса. Жест молодых

рабочих пришелся тебе по душе. Ты остановился, снисходительно шевельнул жвалами и потрепал одного из юнцов по плечу. Тот порозовел от счастья. Его товарищи, не выдержав, толпой ринулись вперед. Окружив тебя, они принялись трогать, ощупывать твой скафандр, притрагиваясь клешнями и усиками антенн к наиболее чувствительным местам твоего экзоскелета. Их хито-панцири играли всеми оттенками радуги. Внутри колпака повеяло феромонами транса первой степени. И ты тотчас понял, что за чувство переполнило тебя и юных рабочих. Это была социальная, классовая солидарность, чувство сопричастности к судьбе большого коллектива – единокровного, единосущного братства. Невыразимо архаическое и необычайно приятное ощущение. У тебя защипало в глазах, в груди вспыхнул жаркий огонек. Толпа обнимающихся и ощупывающих друг друга собратьев росла. Возбуждение усиливалось. Однако пустой прозрачный лифт громко прогудел объемным электронным голосом, называя твое имя. Канал ИК в мозгу ожил, напоминая, что основные мероприятия церемониала впереди. Ты с сожалением расстался с рабочими.

Поднимаясь на пятый уровень десятого сектора первой боевой башни, ты подумал, что хито-панцирь, усилители, шлем, источающий феромоны, это, скорее всего, системный механизм, направленный на поддержание некоего эмоционального тонуса. Повышая уровень тонуса, мотивируя психику, он, видимо, вводил сознание в определенный транс, гипнотическому воздействию которого не поддаться было невозможно. Голос ИК тотчас ожил. Скорее всего, имплантант тоже был впечатлен происходящим. Действуя как опытный оператор, он расширил зону коммуникации, и ты услышал сразу несколько голосов, принадлежащих уже киборгам. Первый, – по-видимому, некоей юной экзальтированной особы, сообщил на всю страну:

– Как я люблю праздник СВС! С детства любила! Он такой особенный, западающий в душу. Его ждешь целый год, готовишься, томишься, исходишь нетерпением и ждешь.

– Да, да, именно – особенный, – зачистил ломающийся юношеский дискант. – С малых лет помню: отец посадит меня на плечи и вперед на площадь. А там все уже поют, танцуют, усадый молдаванин наяривает гопака, молодки раздаривают улыбки, а с трибуны излучают тепло такие добрые, такие милые, такие отеческие лица, поздравляют с великим праздником, обещают что-то светлое, необыкновенное. Ах, что за день!

Долгий счастливый смех с непередаваемо чистыми мелодическими переливами. Про феромоны биошлема ты уже забыл. Оживленные голоса, предчувствие всенародного праздника, самозабвенный смех молодежи подняли твое настроение на уровень транса второй степени. Ты широко улыбался, внимая откровению третьего голоса.

– Сколько себя знаю – жизнь помнится как сплошные повторы, рутинный конвейер. Это медленное колесо буден, набор одних и тех же стандартных событий. В сборочном цехе или возле котлов-синтезаторов особенно не запоешь. Только на таком празднике оживает душа. Она расцветает всеми нано-молекулами, так что в память врезается каждый нюанс, каждый штрих великого действия. И каждый такой праздник неповторим, откладывается, как лист альбома. В результате чувствуешь себя заново рожденным. Так что реально я живу от одного СВС до другого. Вот так!

Другой девичий голосок с оттенком грусти оповестил:

– А я стремлюсь попасть на церемонию СВС, побеждая на конкурсах, смотрах, экономических соревнованиях, чтобы только взглянуть на вождя. Хотя бы краешком глаза посмотреть на него. И тогда такое со мной происходит! Такое! Мне кажется, я испытываю транс девятой степени. Счастья хватает потом на много месяцев нового ожидания. И плачу и смеюсь, подушка у меня всегда сырая. О, этот профиль, такой величественный, такой суровый, простой и родной!.. – внезапная спазма и пауза, от которой души миллионов пронизало током проникновенности. Страна потрясенно и сочувственно молчала. Спазма пульсировала и в твоей груди, и, видимо, феромоны были здесь ни при чем.

Выходя из лифта, ты почувствовал, что находишься во власти транс четвертой степени. На лице играла широкая и светлая улыбка. Жвалы заметно подросли, они торчали вверх, подчеркивая приветственное и радушное выражение. Панцирь сиял и переливался всеми цветами радуги. Холодок возбуждения гулял по позвоночнику. Гордость за великую державу так и обдавала сердце широкой ознобной волной. ИК работал на полную мощность. Суперкомпьютер объемно и одновременно во множестве кадров показывал действие, происходящее на всех уровнях всех ярусов всех трех мегабашен империи. Благодаря голографическим проекторам, имитирующим бесконечность пространства, каждый этаж выглядел необъятной площадью или проспектом, выходящим прямо в черно-звездное небо, где в пустоте величественно маневрировал имперский галактический флот, флагманы и крейсера, ошетилившиеся стволами лазерных пушек и решетками радаров. Периодически возникала картина плаца, где урчали моторами сотни новейших танков, БПМ, способные проходить любые препятствия, выдерживать ядерный удар в мегатонны мощности. Также вспыхивала панорама залива, где выстраивались в кильватерную линию эсминцы, фрегаты, следуя за колоссальным авианосцем, на палубах которого торжественными рядами застыли матросы, офицеры, отдавая честь командованию и мирным жителям на берегу. Время от времени в отдаленной перспективе возникали боевые платформы вертикального взлета и посадки, их футуристические очертания поражали воображение. Весь этот зрительный ряд эффективно работал на одну цель, чтобы вызвать у зрителя чувство гордости и патриотического восторга за свою Родину.

Между тем скоростные большегрузные лифты доставляли на правительственные уровни башен все новые и новые подразделения бойцов. Без всякой суеты и шума они быстро выстраивались в стройные каре и колонны. Штандарты частей, сияющие шлемы со знаками отличий и рангов, вороненая сталь автоматов, хитопанцири с высвеченными символами, орденами, медалями, мускульные усилители на плечах, локтях, коленях, начищенные пластиковые сапоги и ботинки – все это сверкало и блестело. Все это облачение и снаряжение, гармонируя с цветовой гаммой зеркальных полов и отливающих стеновых панелей, придавало парадным построениям особенно торжественный и грозный вид. От этой панорамы захватывало дух. Впечатление военной мощи усиливалось тем, что колонны солдат по периметру были окружены рядами боевых роботов фантастических очертаний, слепящих глаза бликами никелевого покрытия. Шлемофон передавал однотонный и низкий гул от движения множества ног и колес – подразделения на площадях и проспектах все еще двигались, занимая исходные позиции.

Ты почувствовал приближение транса пятой степени. Эйфория достигла высшей точки. Ты едва удерживался от того, чтобы одним толчком не взлететь вверх над головами несметных легионов; чтобы не воспарить, подобно богу войны, мистическому Марсу, двухголовому исполину, намеренному явить себя войскам обеих сторон перед вселенской битвой. Ты сдерживал-укрошал себя, чтобы не вознестись на фоне голографического неба, дабы все население империи увидело своего национального героя, единственного и неповторимого. «Да, за такую державу жизнь отдать не жалко!» – сказал ты громко, выпятив грудь. Оглянувшись, ты увидел, что бойцы твоего элитного легиона уже выстроились в огромное каре, дальние ряды которого терялись в бесконечности пространства.

Рослые гвардейцы стояли в первых рядах. Знамёнщики высоко подняли штандарты с оранжевым, яростно вздыбленным джугром. По сигналу барабанщики выступили вперед, мерно постукивая палочками по коже своих инструментов. Пять тысяч бойцов элитного соединения, как вкопанные, замерли по команде «смирно». Это были отборные воины, силачи, ветераны, прошедшие огонь, воду и медные трубы. Эти солдаты многое видели. Они выжили в бесчисленных боях с мутантами, отборными частями федератов, стычках с рейнджерами островитян. Они выстояли и тогда, когда генералы врагов направили в атаку гигантского робота-муравья с бронированным рылом, изрыгающим огонь мазеров. Когда другие батальоны империи в ужасе, побросав оружие, кинулись в бегство от урановых когтей и клыков титанового чудовища, эти ветераны не дрогнули, они сделали все, чтобы остановить монстра. Как не гордиться и не восхищаться гвардейцами? «Поэтому твой легион – особо заслуженный. Он отмечен императором, неоднократно награжден знаками высшего воинского отличия. Быть солдатом легиона Дельта 1, тем более командиром – это несравненное достоинство и честь привилегированного воина», – произнес ИК. И ты без сомнения принял его за свой собственный, внутренний голос, такова была сила транса пятой степени.

На нижних ярусах праздничное шествие трудящихся масс и роботов-рабочих вот-вот должно было начаться. Сердце сильно билось. Колени дрожали от долгого мускульного напряжения.

И тогда ты увидел его. Он стоял на главной трибуне в простой солдатской шинели. Без всяких регалий и знаков, он выглядел просто и буднично, и это потрясало больше всего. Лицо было закрыто черной вуалью, но зато голографический проектор ясно показывал торс вождя. Этот торс, облаченный в обычное сукно, мог принадлежать какому-нибудь солдату, матросу, ефрейтору, он резко контрастировал с парадным нарядом элитных войск, особенно высших офицеров. Неизгладимое впечатление производила эта картина – величайшая в империи вдохновенная грудь, прикрытая рядовой материей, к тому же усеянной щербинками и пятнышками от курительного табака, такими знакомыми оспинками и рябинками неустанной знаменитой броненосной трубки. «Он не жалеет себя ради нас, – подумал ты, так же, как и миллионы других присутствующих. – Именно так должен выглядеть великий воин – аскет, стратег, мыслитель и вождь, денно и ночью проводящий в бессонных думах о судьбе державы. По облику он такой же, как все, как я, все остальные, и в то же время неизмеримо мудрый, наделенный властью и отягощенный ответственностью за наши жизни. Совершенно правильно, что лицо закрыто кисеей. Это выразительный символ сакральной тайны, особой сущности, которой не должен касаться ни свет, ни взор любопытствующего мирянина. Этот

черный круг – священный знак, говорящий, что лик Истины трансцендентален, мистически недоступен для праздного восприятия. Тем самым раз и навсегда устанавливается дистанция между святой, божественной властью и профанными низами. Как это глубоко! Этот непроницаемый круг действует сильнее атрибутов всех представленных войск и техники. Одна эта деталь говорит о гениальности руководства страны и устраняет все сомнения. Действительно, за такого вождя без колебания можно отдать самую жизнь». Ты уже не различал, чей голос шептал все это прямо в мозг, твой внутренний или ИК, какая разница, если ты принимаешь увиденное как истинно сущностное.

Император кивнул головой. Прозвучала команда генерала, командующего парадом. На боевой платформе он облетел части, поздоровавшись с каждым подразделением. Громовое ура трижды сотрясло громады площадей и проспектов. Громко заиграла бравурная музыка. Батальон музыкантов выступил вперед. Слаженность шагов и ритм музыки так подействовали на тебя, что ты буквально оледенел от восторга.

– Хэй! – вскинул правую руку какой-то маршал на трибуне.

– Бэй! – как единое существо выдохнула вся империя, от роботов до генералов и адмиралов. И все три мегабашни задрожали от этого рева, как струны органа необозримых масштабов. И все население башенного города, включая роботов, киборгов, людей, заключенных за стенами крепости, взметнувшейся на более чем километровую высоту, твердыни, какой еще свет не видывал, с несметным количеством кибернетических механизмов, энергетическими установками, боевой техникой, устремило взор к главной трибуне. Этот новый народ, сплоченный и организованный как никогда, по сути представляющий суперорганизм, сверхцивилизацию с единым ментальным полем, солидарный со своим руководством, с большим воодушевлением и предельным вниманием выслушал речь императора.

– Солдаты, матросы, офицеры, мой народ! Мы находимся на высшей точке нашего генетического, технологического и духовного развития. Мы представляем собой новую чистую расу добровольно объединившихся рабочих, инженеров, киборгов и воинов. Среди нас нет ни одного мутанта, ни одного дегенерата или гнилого декадента. Наша киберцивилизация устроена по принципу ИК-сети и имперского социума. Все члены единого сообщества информационными сетями связаны с центром, а центр, в свою очередь, обслуживает всех и каждого, причем моментально, без бюрократических проволочек, электронное правительство же воспринимает психические зоны каждого члена общества и воздает каждому по количеству труда и способностям. Такая социальная структура не дает никаких шансов ни одному уклонисту или оппортунисту, сектанту, вражескому агенту, оппозиционеру и особенно – психическим мутантам любого толка. Они у нас просто не могут выжить. Поэтому вы все абсолютно здоровы, и мы в целом представляем собой молодую перспективную расу. Мы семимильными шагами устремлены в будущее. Наша армия натренирована последними боями, она сильна, как никогда. Джугара не является нашим главным противником, ибо она поставляет нам пищу, также энергию для индустрии. Поэтому она давно включена в промышленный оборот страны. Наши инженеры разрабатывают новые биоплазменные преобразователи джугарной энергии непосредственно из живой биомассы. Поэтому наша стратегия по отношению к лесу и ее обитателям –

эффективное сдерживание. Когда мы перейдем на полную фазу кибернетического развития, когда будут перестроены все нано-молекулы наших тел, а эта стадия уже не за горами, мы достигнем полной независимости от биополя. И тогда нам будет нечего опасаться бактерий, вирусов, грибков, которые пока еще угрожают нашему телесному здоровью.

Мой народ! Моя победоносная армия! Наш злейший враг – федеративная республика. Это враг чрезвычайно опасный, коварный и искусный. Путем интриг, провокаций и подкупов он склонил на свою сторону некоторые эмираты и княжества, прежде придерживавшиеся политики нейтралитета. Поэтому чаша весов начала колебаться. Заигрывая с островитянами-ренегатами, федераты остро интригуют против нас, осложняя международную обстановку. Предвидя эти действия, мы заключили с федерацией Пакт о ненападении и разделе сфер влияния. Однако эта мера – только тактическая уловка, которая дает нам некоторое время для разведки и подготовки. Наши секретные агенты и другие службы сообщают нам, что Совет республики разрабатывает планы молниеносной глобальной войны против Империи. Для этой цели они усовершенствовали титанового роботоходо-муравья, увеличили огневую мощь танковой армады и воздушного флота. Они мечтают заполучить в руки секрет абсолютного оружия, который уже почти в наших руках. Поэтому мы начали переброску наших войск к самым границам. Мы провели всеобщую мобилизацию, основательно подготовились к блицкригу врага, призвали под ружье тысячи резервистов, модернизировали танки, артиллерию, боевых роботов. У нас самые опытные генералы и испытанные полевые командиры.

Мой народ и армия! Предстоят великие события, из которых мы с честью выйдем победителями. Наша цель совершенно ясна – расширение жизненного пространства и создание единой купольной цивилизации. Мы не остановимся, пока не создадим объединенную империю девяти башенных городов. Острова безропотно подчинятся. Объединенные ресурсы сверхдержавы позволят нам создать воздушный флот планетарного действия и космическую армаду. И тогда будет недалек тот час, когда на нашей многострадальной планете, избавленной от ужасов междоусобиц, возникнут условия для создания новой цивилизации сверхчеловеков на основе новейшей нанотехнологии. Впервые в истории нашего вида исчезнут страдания, голод, война, расовая и религиозная вражда, сгинут болезни. Перед новым киберчеловечеством откроются безграничные просторы галактики с ее триллионами звезд.

Мой народ! Моя доблестная гвардия! Моя испытанная боями армия! Нас ждут величайшие свершения. Мы не можем бесконечно прозябать в джугарных дебрях, мы не можем жить в норах и пещерах, как наши пращуры. Мы достойны звездных высот! Мы сильны, и с нами Посланник! Наша вера есть сила, и сила есть наша вера! Вперед к новым высотам. Хэй!

– Бэй! Бэй! Бэй! – трижды прогремели супербашни, нацеленные на небо, как три ствола гигантского линкора.

Ликующий хор человеческих и электронных голосов. Церемония СВС началась.

Потолки и стены поистине безграничного помещения озарились зелено-голубым, затем аквамариновым светом, проникающим в душу, зазвучала чарующая музыка, где отчетливо выделился упоительный голос английского рожка. Его

серебристые переливы потянули сердце в сладкую зыбь забвения, пространство начало рассыпаться снопом тающих искр. Пол покачнулся под ногами. Тем временем твой легион начал разбиваться на танцевальные пары. Мужчины и женщины принялись кружить, периодически останавливаясь на мгновение, чтобы выделить паузу, затем вновь пускаясь рисовать фигуры старинного отточенного менуэта с жеманными реверансами и поклонами. От красоты слаженных движений тысяч элегантных мужчин и женщин у тебя захватило дух, и ты почувствовал наступление транса шестой ступени. Твоей партнершей оказалась необыкновенно изящная девушка с выразительными светло-зелеными глазами. Тонкая в талии, с прекрасным бюстом на волне плавных движений она медленно поворачивала к тебе свое нежное лицо с сияющими глазами (по правилам менуэта кавалер и дама во время танца все время должны смотреть друг другу в глаза). И ее дымчато-темные с поволокой зрачки бросили твою душу в трепет, спросив с безмолвным упреком: «Это ты? Где ты был так долго?» Душа оборвалась и стремглав понеслась в неизвестность темной, гулкой джугары. «Где я тебя видел?» – в свою очередь взглядом спросил ты. Пространство блаженства расширилось, затопив зеленым звенящим маревом весь лес. Крона джугабра колыхнулась, превращаясь в океан благоухания. Существовали только ее глаза, ее зрачки. И высокий поднебесный перелив журавлиной флейты, неземной волшебницы, рисующей неуловимой кистью в груди летуна заветную молитву. Все исчезло. Зеленая глубь рухнула, она осыпалась миллиардами огоньков, кружащих в совершенном ничто, где не было ни времени, ни верха, ни низа, ни середины, ни края.

Серый плащеносец, укрывшийся в дупле джугабра, смотрел на окна освещенного зала огромными глазищами ночного существа, чутко внимая действу, запечатлевая зрачками образы обоих миров. И единая паутина жизни, благосклонная к нему в эту редчайшую минуту, позволила душе выйти за пределы ограничений, чтобы слиться с происходящим и впитать этот сгусток энергии как нектар растения, который расцветает всего один раз в сто лет, да и то в недрах внутренней ночи. И эта же невероятная сеть сказала ему особым языком, неощутимо тонким, бесплотным: «Это же ты сам в другом цикле и Она».

Очнулся в предрассветных сумерках в своей комнате. Кресло не хотело выпустить тебя из нагретых объятий. Все еще сладостно ныли клетки мозга, испытывавшие невероятно продолжительный транс большой силы. Стены комнаты, мебель, другие предметы все еще плавно кружили в ритме менуэта, кланяясь и приседая. Два прозрачных зеленых озера, расплесканные среди муссонного леса, еще искали тебя, о чем-то немо вопрошали, улыбались, с мольбой искали что-то в твоей душе. Эти глаза излучали любовь, верность, пронесенные через пучину вечности. И ты вновь настойчиво спросил у пространства, уплывающих призраков: «Где, где же я видел эти глаза? И когда?»

У самого края маотно-сонного поля, окутанного снежным туманом, с веками, налитыми свинцовой тяжестью, ты мертвяком пластался на мерзлой земле, пытаясь опереться немощными руками. Куропатка Бодоне на тонких ножках прошлого лета кралась через гудящее пространство, летящее стрелами сквозь ее оперение, шагала через буреломы времени. И она оглядывалась на тебя теми же малахитово-зелеными глазами, чуткой, болевой ниткой связанными с твоим

сердцем. И она сияла, улыбалась очами невыразимого, безмерного Незнания, заводящими чистыми озаряла твою душу и вопрошала все о том же, умоляла вспомнить заветное, драгоценное, дорогое. И ты смутно понимал, провидел: «Коке, где ты? Коке, почему ты забыл это?»

* * *

Стон вырвался из твоей груди. Этот менуэт что-то такое с тобой сделал непонятное, пугающее. Началось что-то неотвратимое, опасное, что нельзя было остановить. На тебя надвигалась необъятная лавина воспоминаний, грозя унести сознание к краю пропасти.

Шальной, дикий табун мчался прямо на вас через поле, сминая заросли, разбрызгивая крошево мгновений. Горстка ребят прильнула к твоим коленям, с испугом глядя на черную урчащую лаву, захлестнувшую половину поля. Это был атакующий войсковой строй – вражеский эскадрон. И ты понял, что оказался в ловушке вместе с ребятами. Месяц они шли за тобой по обочине большой дороги, терпели, мужественно перенося голод и трудности пешего перехода через полстраны, не хныкали. Наконец, началось это самое поле сорго, густо засоренное камышом и тростником. Уже недалеко оставалось до города, вдруг заросли расступились, и из чащи с диким визгом вылетела крысиная конница. Ты искал оружие, дрожащие пальцы нащупывали то затвор упыря, то рукоять меча. И не успевали, ибо слишком близко оказались всадники. Ты хрипел, валился на подлокотник кресла, но лишь полынь и придорожный репей хватали твои ладони. Это случилось, когда до города осталось всего несколько дней хода. Черные крысачи-драгуны обрушились на вас, словно смерч. А до этого вы шли, как во сне. Усталость многодневного похода не только изнурила вас, она сидела в костях, в суставах цепкой болью. К тому же это недоедание, оно высосало все силы, выпило всю энергию ребят, которые вышли в путь, казалось бы, с несокрушимой верой и энтузиазмом. Еще бы! До этого случился чудесный разгром крысиной армии. Вроде бы пришел конец им, полный, окончательный. Кто мог подумать, что несколько вражеских отрядов уцелело, и что они приготовили смертельную западню ребятам почти у самого города.

Ярость крысиной конницы поражала воображение. Всадники неслись плотным строем, высоко занеся сверкающие жала сабель. За несколько секунд перед глазами прошли картины последних недель. Вы шли и шли. Ни одна из проезжающих по шоссе машин, сколько бы ребята ни махали руками, не остановилась. Водители не хотели брать на борт толпу странных бродяг в рванье и с жутковатыми истощенными лицами. На автобус денег не было. Но ребята не сдавались. Тебя удивило, что они и не собирались унывать. На поля и огороды приходилось сворачивать, чтобы подкормиться кое-какими плодами и злаками. И вот судьба завела вас на это треклятое поле сорго. Вы едва не заблудились среди моря джугары. Приходилось постоянно останавливаться, чтобы Малыш-утенок, Уку-филин, Коян смогли догнать ушедших вперед. Густота и рост сорго были просто невиданными. И когда внезапно стена растений рухнула, ты понял, что это была маскировка вражеского войска. Затем ты осознал, что вы перед лицом катастрофы. Мальчишки обессилены, а крысачи нагло демонстрировали мощь резерва. Новые и новые

эскадроны выезжали из зарослей, едва выстроившись, с визгом и улюлюканьем бросались в оглушительную атаку. Уже были близки первые ряды отчаянных рубак, а вдали уже выкатывался вал артиллерии, блестя рылами бронзовых мортир. Громыкнули пушечные выстрелы. Анке, Боря и Кабанбай смотрели на тебя застывшими глазами, и ты понял – они ожидают от тебя чуда. Ведь тогда в решающем сражении ребят спас именно ты. Коке, почему ты медлишь? Коке, чего ты ждешь? А ты, глядя на Анке, думал какой-то совершенно сторонней мыслью, как это человеческие глаза могут кричать с такой силой, с такой болью?

Внезапно словно из тумана, возник Тайбала. Он сделал шаг навстречу наступающему врагу, затем остановился, обернулся, бледный, будто обметенный снегом. Лицо его было застывшим, и на этой немой маске были живыми одни только глаза. И они поразили тебя. Таких зрачков ты еще не видел. «Вот зачем бог сотворил человека», – мелькнуло у тебя в голове.

«Коке, – сказал он хриплым голосом. – Много лет назад, даже не в этом мире, я был когда-то мальцом, и Манка хватил меня гранитным окатышем прямо в затылок. Когда день заревел, точно баран, брошенный за землю волком, когда вселенная обрушилась на меня коршуном, я летел вниз каплей крови, но никак не мог догнать лес ног, что убегали от меня, гудя вечерними табунами. В невероятный миг тот я увидел связь свою с небесным табуном, с Тембелькоком, вожаким синегривого заоблачного братства. И, летя в бездну, в кошмар, орущий воронами и кречетами окаянными, я звал отнюдь не Коке с глазами раненого оленя, надрывно стонущего и истекающего последними каплями разбитого сердца. Нет, я назвал другое имя, я шепнул: “Тембелькок, помоги, друг небесный. Крылан с синей гривой, с облачным хвостом, с глазами последнего заката, быстрый, как молния, сокрушительный в гневе, Симура моих снов, спаси, приди на помощь! Тембелькок, спаси нас!..»

Небесный табун топотом и громом, грохотом и цокотом камнедробильным ударил по теснинам, утесам гранитным, ударил наотмашь всем гневом Тембелькока шелкового с безмерным и бездонным взглядом, кишащим калача-крами и этого и другого мира. Провал теснины, вырвался лавой на равнину, поле то самое, торговое, джугарное, заполненное вражьем войском, тьмой крысиных эскадронов, тучами пушечных крупов, заволоченное дымом, порохом и сажей... Вырвался, выплеснулся из теснины твой гул горловой, черной неистовой силы, поющей и пляшущей в пещере моего сердца, у столбового нерва заблудшего, играющего сарн кобыза первого и последнего во вселенной боли. «Ай, – сказал ты. – Ай да Тембелькок, ай да Тайбала!» Утешили вы меня дюже, рокотом и рыком, маковым громом вы распугали и расплескали печаль мою, тьму и немочь, демонов и сорелей разогнали! Миллионы копыт, несметные персти играют в дангыл поднебесного луга, прямо по сердцу моему, округлому, словно круп вороного жеребца, Тембелькока окаянного, ударяют! Ай да Тайбала! Все они разом – небесные кони, цикады и кузнечики, синекрылые богомолы, стрекозы и махаоны, свиристели, пеночки, совы и филины, кречеты и соколы бессонных моих витаний на пороге призрачного отчего дома, все они разом встрепенулись, воспрянули, повернулись, вздыбились и понеслись, играя черным галактическим гулом, дангылом калачакры барабана неистовым прибоем, помчались, креня города и годы, поля и доли.

На смятение врагу, на счастье друзьям вы полетели, взметнулись на отроги, разом устремились на поле битвы, шквалом вселяя ужас и жуть в душонки крысиных солдат и генералов, на луг заветной брани, предсказанный даже не Так приходящим, а мугалимом ветхой каморки, истлевающей от грызущей критики термитов и моли. Ай да Тембелькок, мое сердце поет и пляшет, мое сердце ласкает губами любви и нежности, верности первой и последней все луга моего детства, окаянного, нечаянного, сорвавшегося с откосов материнских тех, грудных, млечных, полных сока, надежды и веры. Я пою и пляшу на стебельке кобыза и листке тюркской флейты... Ай да Тембелькок, Бурыл неистовый, вихрь с синей гривой, буран среди ясного неба и дня божеского, смерч, играющий черными молниями на тростниковом поле, ураган смятенный, широкий, безбрежный, громыхающими несметными голосами и звонами этого и другого мира. Ай да Тайбала, воин крылатый, единорог моих снов, окаянных, поруганных, оставленных всеми на произвол бумаги смурной и суд моли хитрющей. Бреда пенного, записанного надежно, со знанием дела, как курица лапой Малышом-утенком под диктовку Старого и вечно одинокого, уставшего безмерно тащить корыто с рудой той, золотиносной, окропленной кровью и потом бедолаг и сирот шахтерских, закланных бирюком, судьбой, кряхтящей натужно над картой великой и последней Родины. Прощает коке всех миров и благословляет с сердечного размаха в душевном порыве бога, ты видишь?

* * *

Утром, встав с постели, ты обнаружил, что бодр и полон сил, как никогда ранее. Ты был спокоен, собран, интуиция сообщала о грядущих событиях, и дух твой был преисполнен решимости встретить грозные перемены еще как мобилизованным. Во дворе, трепля крону старого каштана, швыряя капли нового дождя, гулял порывистый ветер. Каштан качался, потряхивал буйной зеленой гривой, рвался с места, словно застоявшийся боевой конь. Ты покачал головой, удивляясь искусству художников империи создавать объемные голограммы. Центральный компьютер башни чутко улавливал нюансы твоего настроения, подстраивая под него видеообразы.

По твоей просьбе в лоджии был поставлен тренажер – беговая дорожка с проекторами ландшафта. Откликаясь на сигнал ИК, тренажер включился. Проекторы тотчас создали иллюзию затейливой тропы. Она петляла, кружила среди живописных роц по склонам невысоких холмов, через большой парк одних только цветущих лип и акаций, по берегу быстрой бурлящей речки, прыгающей с валуна на валун, вокруг прекрасного озера, окруженного камышами и осокой. На этот раз ты без труда пробежал все двадцать пять километров. Довольный собой, сошел с дорожки, ощущая резерв нерастратенных сил. Постоял под прохладным душем, с аппетитом позавтракал. Ты был готов к новому трудовому дню в имперской боевой башне. Этот кибернетический город с диковинками, роботами, дружелюбным, энергичным народом уже нравился тебе. Какая разница, где жить – в так называемом реальном мире, впрочем, тоже иллюзорном, или в голографическом, сотворенном суперкомпьютером? Ты уже кое-что из прошлого вспомнил и начал понимать, что с тобой происходит. Ты знал, что скучать тебе не дадут, а это было самое главное из того, что нужно было понимать.

Запела электронным женским голосом дверная панель. Член Совета вошел в комнату. Он был в полном полевом снаряжении, биоскафандре, экзоскелете, с автоматом на груди. Видимо, твои брови изумленно полезли вверх. Редактор, упреждая вопрос, похлопал рукой по ложу автомата.

– Не доверяю лазерам, никак не приноворююсь рассчитать точность заряда. Одно дело встреча с кабаном, другое – с саблезубом-джуягуром. Джуюгур с места прыгает на двенадцать метров. Так что некоторым приходится достраивать лазер, будучи уже в желудке саблезуба. АКМС (автомат Калашникова модернизированный снайперский) для меня все равно что друг, которого я знаю много лет. Стреляет кучно, безотказно с первого движения руки. Не боится ни влаги, ни пыли, ни грязи, потеряешь в кустах – сигнализирует по ИК, дескать, я здесь лежу. Только помни: идешь в лес, бери с собой пару-другую спаренных магазинов с патронами. Не пожалеешь.

– И мне дадут такой же? – спросил ты с недоверием, разглядывая с дистанции великолепное оружие с оптическим прицелом, глазком лазера, подствольным гранатометом.

– Такой же. И кое-что еще в придачу. После церемонии СВС, протестировав тебя, император почувствовал к тебе расположение. Он сказал, что ты полностью наш человек и что тебе можно поручить ответственное задание.

– И?..

– Ты угадал. Сегодня ты поведешь группу бойцов в лес на разведку. Это твоя группа поддержки. Она пойдет за тобой на остров № 5 прикрывать в случае чего. Вам надо притереться друг к другу. Ты должен продемонстрировать им кое-какие уроки выживания в полевых джугарных условиях. Учти – уроки должны быть настоящими. Никакого снисхождения, заигрывания, никаких любимчиков! Допускаются травмы, даже опасные ранения. Тебе даны полномочия полевого командира, выполняющего боевое задание. Значит, будешь действовать по боевому уставу.

– Понятно, – коротко сказал ты.

– Снаряжение – спецкостюмы, саперные лопатки, приборы ночного видения, палатки. Оружие – боевые лазеры, автоматы, холодное оружие. Связь держать по ИК. Пароль такой-то. Поход рассчитан на трое суток. Продукты – сухой паек. Помни: каждый твой шаг будет зафиксирован компьютером, проанализирован Военным Советом, командирами спецподразделений. Не забывай: ты живая легенда, национальный герой, звезда первой величины. На тебя молятся. Особенно девушки, а таковые встречаются и в разведгруппах.

Ты смущенно кивал головой, не сводя глаз с автомата. Неужели такую штуку тебе дадут?

– Вопросы есть?

– Есть.

– Что еще?

– Среди моих вещей есть кое-что. Пусть мне вернут.

– Что именно?

– Мой самурайский меч. И железный посох.

– Твои вещи в целостности и сохранности. Каптерщик выдаст твои вещи под расписку.

Редактор благодушно, с весьма покровительственным видом взирал на тебя. Было видно, что он доволен тобой, особенно твоим внутренним настроением. На

прощание он дружески похлопал тебя по плечу, близко заглянул в глаза и шепнул на ухо пароль для выхода на чрезвычайный канал секретной связи. «Апке?» – изумился ты, но тотчас натренированной волей подавил удивление. Член Совета сделал большие глаза, мол, все понимаю. Вдруг он вытянулся во фрунт, щелкнул каблуками, отдавая честь. Лихо козырнул, и ты сразу понял, для чего он явился к тебе в полном военном облачении.

Полдень. Гигантские стальные створки шлюза с шипением сомкнулись за спиной бойцов. Семеро рослых парней шеренгой стояли перед тобой, в скафандрах, крест-накрест перехлестнутых тягами экзоскелетов, в биошлемах с автоматами и лазерами на груди. Плечистые парни, спокойные с виду, нарочито расслабленные. В этом футуристическом облачении они похожи на канадских хоккеистов. Один из них стоит навытяжку, ест командира глазами. Наверняка щегол, молодой и необстрелянный. Придется за ним присматривать. Глаза у него светло-зеленые, рост – ниже среднего, телосложение хрупкое. Как такого послали? А дальше в обзоре махины башен, бирюзовые утесы, отвесно уходящие ввысь. Дежурные вертолеты, дроны, подобно доисторическим ящерам, кружат над вершинами колоссов. Грозное, захватывающее зрелище. Эта технологическая и военная сила стоит за вашими плечами, как воплощенная мощь, вселяющая надежду. Вокруг башен кипенное море джугарного леса, зеленый безбрежный океан, полный неизвестности. И ты живо представил себе: заросли среди пальм и бамбуков, лианы, похожие на питонов, и змеи, неотличимые от лиан, всякие твари, крадущиеся в зарослях. Одно описание этих зверюг вызывает оторопь в сознании. И в это море дикой необузданной силы должна войти горстка ребят, воевавших разве что среди голограмм тренажерных устройств. Но какой у них бравый вид – словно горы готовы свернуть. Ты остановился перед молоденьким солдатом. Он опять вытянулся по стойке смирно, большие глаза захлопали ресницами, влажно и смущенно блеснув. Где ты видел эти глаза? Где? Постой, он похож на партнершу по менюэту нынешней ночью во время ритуала СВС. Что за бред? Нет, это не сон. Это она, блистательная танцовщица в одежде воина, и с улыбкой смотрит на тебя. Вдруг ты почувствовал тепло транса высокой степени. И одновременно понял, насколько глубок расчет военного командования. Включив в отряд девчонку, чей образ трансом шестой степени записан в твоём подсознании, Совет самой прочной крепью привязал тебя к империи. Теперь ты не удерешь на какой-нибудь остров или к лесным рейнджерам. Эта красавица – твои добровольные и прекрасные цепи патриотического содержания. Пока она в отряде, ты будешь исполнять долг перед державой из всех сил. О, они изучили твоё подсознание, знают, что находится там. Каков опыт психологов империи? Однако ты никуда улепетывать не собираешься. Ты намерен выполнить приказ, к тому же постараться, чтобы красотка осталась живой без единой царапины.

Она смотрела тепло и участливо. Она помнила и берегла то, что произошло между вами на церемонии СВС. Неужели тебе в такие годы повезет с этой юной амазонкой, чьи глаза всякий раз бросают тебя в трепет и онемение? В ее зрачках нет и тени тревоги, ведь она с командиром, легендарным Снежным воином, Странником, прошедшим мыслимое и немислимое в обоих мирах. Она знает, что ты единственный человек на свете, который побывал в сердце джугары и уцелел. Как дорого тебе ее доверие!

– За мной шагом марш! – тихо сказал ты, повернулся и нырнул в заросли зулоновой травы.

Пройдя по звериной тропе метров двести, ты оглянулся. Бойцы шли за тобой вереницей. Они хорошо подготовлены в специальных залах и тренажерах, имитирующих ту или иную местность. Эти крепыши тренировались до упаду. Однако когда они оказались в полумраке леса, густом от жужжания тысячи насекомых, кишачих ползающими тварями, еще как опасными, они заметно стусhevались. Дышали они неровно, колпаки биошлемов потемнели от пота и налипшего гнуса. Некоторые из парней то и дело оскальзывались на мокрой тропе, судорожно хватаясь за свисающие лианы. И это было самым неверным в их движении. Ты подождал, когда группа полностью собралась возле тебя, ткнул концом посоха в одну из толстых лиан – свободно качающийся канат тотчас прянул назад, свился в кольцо, яростно ощерив пасть, полную кривых зубов. Ребята онемели. «Сетчатый питон, – тихо пояснил ты по ИК. – Убивает добычу за пять минут, сжимая ее в кольцах, лишая воздуха в легких. Эта тварь весит сто пятьдесят килограммов. Ей ничего не стоит задушить пятидесятикилограммовую свинью, переломав ей все кости. Так что осторожнее со всякими ветками, корнями и лианами».

Затем ты показал им, как следует ходить по лесной тропе походкой индейского воина. Туземец ставит ногу сначала на носок, потом на ступню, как бы перекатываясь на подошвах. Индеец в лесу не шагает, а скорее крадется, ни единым шорохом не выказывая свое присутствие. Его не выдает и запах, поскольку он натирает тело пахучими травами. Воин останавливается через каждые семь шагов и внимательно слушает лес, воспринимая живую среду всем телом, всем подсознанием. Он способен видеть ночью, как сова, пробираться в зарослях, как камышовый кот, различать далекие запахи, как медведь, идти по следу и читать его, будто волк. Он может подойти беспрепятственно к чуткому оленю и шепнуть ему на ухо магическое слово – таково его искусство.

Особенно внимательно слушала тебя девушка. Ее зеленоватые с поволокой глаза мерцали, свидетельствуя о глубоком восприятии. И ты понял, что она реагирует скорее не на слова, а на тембр твоего голоса, пытаясь уловить то, что ты говорил только ей особым способом, минуя ИК. Такая концентрация удивила тебя, и ты глубоко задумался. Когда и с кем у тебя был такой контакт? Твоя догадка подтверждалась – между вами существовала иная связь, нелогическая, иррациональная. Откуда эта девушка? Концентрация других ребят была не такой сильной и сложной, и это объяснялось тем, что с каждым часом они все больше уставали, поддаваясь растерянности и сомнениям.

Шли гуськом, делая привалы в скрытых местах. Тропическая растительность обдавала веером крупной росы, влажность достигала девяносто процентов. Терпкая испарина земли с запахами прелых листьев, грибов, разлагающейся древесины, проникала сквозь фильтры колпака. Периодически в низинах отряд попадал в объятия тумана, плывущего, словно стая призраков. Туман был и ползучим, и опасен. Он мог замаскировать врага, притаившегося в засаде. И в то же время туман помогал идти, как бы пологом прикрывая весь отряд. Теперь бойцы шли более или менее упорядоченно, время от времени перекликаясь по ИК. Девушка шла за тобой. Великолепно сложенная, она была, тем не менее, хрупкая и гибкая, как камышовая сераль. Эта девушка – истинное дитя природы. Она

первая освоится в джугаре. И это потому, что она слушает душу леса. Откуда это прирожденное умение?

Через несколько часов хода в сизом тумане и полумраке джунглей ребята начали сбиваться с темпа, было видно, что они устали. Вот-вот они начнут путаться в ориентировке. Ты скомандовал перейти на режим инфракрасного видения. И вовремя. Дорожка высветилась белой полосой. Не так далеко, в метрах ста от отряда, продвигалось стадо каких-то крупных животных. Солдаты, увидев зверей, прильнули к земле, нацелив автоматы. Девушка шепотом определила тип животных: то были лесные кабаны, огромного размера, ведомые грузным вожаком ростом не меньше буйвола. Кабаны остановились, принюхиваясь к воздуху. Их что-то насторожило. Эти монстры, особенно вепрь, кинувшись в атаку, разнесли бы отряд в клочья. Ты отвел взгляд в сторону, стараясь не смотреть на вожака прямо. Прошла минута, другая, затем кабан успокоился, благодушно хрюкнув, повел стадо за собой.

Соседство с кабанами – это, конечно, не подарок судьбы. С другой стороны, это же обстоятельство может оказаться спасительным, если поблизости затаился джугур. Свиньи также могут отвлечь на себя внимание и других голодных хищников, джубуров или зугиен. В этом жутковатом неизвестном лесу людям может встретиться монстр, которого никто никогда раньше не видел. Такова джугарная природа, обрушившая на человечество кошмарные сюрпризы, в том числе мутантов. О вирусах, убийственных грибах и спорах лучше не говорить. Устраивать сафари в таких джунглях – безумие самоубийц. Лесные рейнджеры – другое дело. Они знают, на что идут. И при этом треть их погибает на охоте. Джурунг, пожиратель зулонов – это бронированное чудовище с пастью гиппопотама и кинжальными зубами в три ряда. Чтобы остановить атакующего джурунга, базуки или ручного пулемета недостаточно. Нужно стрелять из пушки прямой наводкой. Четырехтонный джурунг – ужас больших животных четвертичного периода, кошмар, порожденный новым сомнамбулизмом джугарного леса. С этим монстром лучше не сталкиваться, на его тропу не выходить в неурочный час. Когда этот зверь начинает охоту, затаивается вся природа.

Инфракрасный глаз бинокля показал впереди толчею очень крупных животных, с остервенением грызущих кости какого-то павшего великана. Это были гривастые звери с вытянутой зубастой мордой, мускулистой грудью и низким покатым задом. Хищники ожесточенно грызлись за остатки падали, свирепо скалясь, периодически с визгом набрасываясь друг на друга. «Гиенодоны!» – ты поднял руку, останавливая группу. Бойцы замерли. В шлемофон отчетливо слышалось учащенное дыхание ребят. Нужно было стороной обойти место, где пиршествовали зугиены. Ты тенью скользнул налево. Парни, ступая след в след, шли за тобой, держа автоматы и лазеры наизготовку.

Пройдя в северном направлении метров пятьсот, отряд вышел на берег небольшого заболоченного ручья. Пологий травянистый спуск весь был изрыт свиньями. Осмотрев в бинокль прогалину на берегу ручья, ты показал ребятам, что нужно идти в ту сторону. На открытом месте темнел ствол упавшего дерева. Этот толстый ствол с торчащими сухими и свежими ветками образовал нечто вроде моста над тиной и ряской гниющей воды. На другом берегу стеной стояли высокие тростники, узкая строчка тропы исчезала в этих зарослях. Ты недовольно

покачал головой. Однако другой тропы не было. Пришлось, перебравшись по дереву, выйти все-таки на эту звериную дорожку. И этот берег тоже был изрыт и изборожден кабанами. Здесь липкая, густая грязь сохранила и другие следы, огромные, с отчетливыми ямками от подушечек с когтями. Ямки были вдавлены глубоко – зверь, прошедший здесь, явно был очень тяжелый. Опустившись на колени, ты тщательно изучил отпечатки широких лап. «Да, здесь гулял большой парень, очень большой», – покачал головой ты. Судя по глубине следов и расстоянию между ними, этот зверь был раза в два больше африканского льва. Это была очень массивная и длинная кошка – суперхищник! «Саблезуб! Джугур!» – с восхищением прошептал ты, показывая на глубокие отпечатки в глине, наполовину заполненные темной водой. Парни, взволнованно переговариваясь, столпились над одной из ямок. Один из бойцов, изучив след, предположил, что зверь прошел здесь, скорее всего, вчера, с тех прошло не меньше двенадцати часов. «Откуда ты знаешь?» – недоверчиво спросил крепыш в черном шлеме, стоявший рядом. Судорожно сжав приклад автомата, он ощупывал настороженным взглядом тростниковые заросли. От него исходили ощутимые импульсы страха, и, глядя на него, ты понимал, что многочасовые тренировки не помогли ему справиться с первой атакой джугары.

– Вот, смотри сюда, примятая лапой трава распрямилась и чуток даже подросла, – пояснил следопыт. Он весь был поглощен созерцанием следов великолепного хищника, из тех легендарных саблезубов, которые обитали на планете сто или двести тысяч лет назад. И глядя на сухопарую, ловкую, гибко подобранную фигуру следопыта, ты ощутил его недюжинную внутреннюю силу. «На этого джигита можно положиться в случае чего», – подумал ты и оглянулся на девушку. Она стояла рядом. Она встретила твой взгляд спокойствием ничем не потревоженных глаз. Она немо спросила тебя о чем-то, и ты так же безмолвно ответил. Похоже, джугур ее совсем не пугал. Чего нельзя было сказать о других ребятах. Они были смущены, тревожно и бестолково перебрасывались вопросами. Их воображение рисовало впечатляющий образ монстра длиной в пять метров, весом в полтонны, налитого несокрушимой силой, способного одним прыжком перелететь расстояние в двенадцать метров. Расклад психологических сил отряда раскрылся просто и естественно. При внезапной атаке джугура, или, что еще хуже – джурунга, с тобой, скорее всего, останутся следопыт и девушка, остальные пятеро, несмотря на панцири, мощное оружие, кинутся в бегство. Только куда они побегут? Найдут ли дорогу обратно? И примет ли их боевая башня, хладнокровно отразившая на пленке все эпизоды движения разведгруппы, поведение всех и каждого в отдельности? «Этого не должно произойти. Ты отвечаешь за жизни и судьбу ребят», – сказал ты самому себе. Вынув из ножен меч, проверил заточку лезвия. Сталь так и полыхнула белым пламенем в лучах солнца, пробившихся сквозь листву. Парни заинтересованно уставились на меч. Также неторопливо взвесил упырь. Он был тот же, надежный друг, проверенный в походах, с железным характером. Щелкнул затвором, выдвигая штык. Острие и режущие грани ножа были как следует заточены и хорошо смазаны. Удовлетворенный осмотром, ты многозначительно кивнул ребятам. Те, повторяя твои действия, осмотрели снаряжение, автоматы, лазеры, ножи, боеприпасы. Оружие было в порядке. После чего парни заметно приободрились, ощутив прилив духа.

Шли по тропе, кишашей невиданными и невероятными насекомыми, в бо-лотных заводях копошились какие-то пресмыкающиеся, там тоже шла жестокая борьба. За теплокровными охотились огромные пиявки, один вид которых вызывал содрогание. Грязь сочно чмокала под подошвами. Слизняки и клещи дождем сыпались с тростников на одежду. Кевларовая роба броней прикрывала тело, и мысль об этом поддерживала сознание. Все же джугара свой истинный нрав еще не показывала, и вы понимали это. В сутемени чащ то и дело возникли и исчезали гривастые тени. Это были гиенодоны, неотступно следующие за отрядом. Маневры зугиен были еще как опасны. Поэтому ты постоянно оглядывался, проверяя солдата, замыкающего вереницу. Наконец тропа пошла куда-то вверх по красной скользкой почве среди кустов с длинными черными шипами. За кустарником в отдалении возвышалось гигантское джугабровое дерево. «Туда!» – ты показал жестом в сторону дерева, подгоняя бойцов. Они с трудом переводили дыхание, стараясь держать шаг на поверхности звериной тропы. На панцири коростой налипли погибшие насекомые. Кевлар скафандров стал темным от пота. Между тем солнце уже клонилось к закату. Джунгли обросли тенью. Сумерки меж деревьев смотрели недобро с явной угрозой. Солдаты едва передвигали ноги по тропе, петляющей среди папоротников. Нужно было найти место для ночлега, и ты потребовал у ребят показать место, где можно было бы разбить стоянку. Парни молчали, уныло глядя вниз. И ты понимал их – им так не хотелось соваться в чащи, где на каждом шагу таилась опасность джугары, грозящей неизвестностью. Под каждым кустом, в любом темном укрытии чудился зверь, страшный гиенодон или свирепый джугур. Эти бескрайние джунгли с неоглядными чащами, затканными лианами и воздушными корнями паразитических растений, с затхлым и смрадным воздухом, тяжелым от испарений разлагающихся грибов и листьев, как бы дрожащим от звона москитов и мошкар, жужжания гигантских жуков, поражал воображение. Этот необозримый океан могучей размашистой жизни, вышедшей в поход армиями джусойных и джубуйных кустов, зверей-монстров, давил и травмировал психику людей, выросших среди голографических панелей, ранее не покидавших пределы бронированных стен. Ты усмехнулся, глядя на своих подопечных, парней накачанных, увешанных оружием. Когда-то ты и сам был таким. Тогда, заблудившись в потемках среди холмов, ты первым делом вспомнил о ванне с умеренно горячей водой, бутылке прохладного, шипучего пива, способного воскресить иного мужчину после тяжелого трудового дня. Потом, кажется, припоминались мягкая кушетка и большой экран плазменного монитора, убаюкивающий голосом, музыкой и видеорядом рекламы. Возможно, кое-кто из этих молодцов уже проклинает тебя, кондового командира, Военный Совет, вынудивший их скитаться в опасных и бесконечных джунглях неизвестно ради чего. «Черт возьми, вы в чем-то правы!» – чертыхнулся ты, вспомнив свой первый поход в волчьих горах, ночевку под заунывный вой волка где-то рядом за холмом. Но там ты был один. А здесь вас восемь до зубов вооруженных бойцов, обученных убивать и выживать в экстремальных условиях.

Ты пожалел их, просто молча показал в сторону джугабра. То было просто исполинское дерево, накрывшее кроной полгектара земли. Стая джубезьян, обитающая в кроне, подняла отчаянный крик. Особенно неистовствовали материцы самцы, скаля большие клыки, они исторгали яростные вопли, переходящие на

визг. Их вопли уносились вглубь леса, отражаясь от далей эхом. Стадо пятнистых зуленей врассыпную бросилось прочь от дерева.

– Вот вам еще один урок, – сказал ты ребятам. – Зулени обычно пасутся неподалеку от стаи джубезьян. Дело в том, что древолазы невольно выполняют роль охранников стада. Они всегда поднимают шум тревоги, как только завидят хищника, а глаза у них острые, и сидят они высоко. Поэтому зулени научились выживать с помощью дальновзорких и чутких джубезьян. Если где-то в лесу очень громко кричат джубезьяны, это значит – там пробирается чужак или какой-нибудь хищник. Это тайный язык джунглей. Кроме того, животные совместно питаются остатками питательной сердцевины ореха, разломившегося от удара о землю. Мы устроимся здесь на ночлег под охраной джубезьян. Если сюда придет саблезуб, сигнальщики на дереве непременно сообщат нам о его появлении.

– А что, джугур придет сюда? – спросил паренек с беспокойными карими глазами. Его зрачки суетливо бегали, выискивая всякие тени.

– А что ты думал? Обязательно! Он уже знает, что мы здесь. И очень заинтригован, – ответил ты, осматривая обширную сухую площадку под нависшими толстыми ветвями дерева.

– А откуда он знает, что мы здесь? – спросил паренек. Лицо у него было бледное, усеянное мелкими веснушками. Тебе стало жалко бойца, которому явно было не по себе.

– От тех же птиц и джубезьян, а также гиенодонов. Он тоже читает язык леса, он же мастер-охотник. Обычно он всегда более или менее точно знает, где находится добыча.

Парни растерянно и неуверенно хмыкнули. Твои слова они восприняли как шутку. Но тебе было не до юмора. Ты знал, что такое ночь в джугарном лесу. Это холод бесчисленных угроз, бессонница под ворох всяких шорохов и тресков, ожидание внезапной и жестокой атаки. Голосом, не терпящим возражений, приказал нарубить как можно больше кустов с длинными черными шипами, чтобы соорудить заграждение вокруг лагеря. Ребята повеселели. Через час вокруг стоянки возник высокий вал из веток, ошестинившийся иглами. Тем временем ты зажег костер, подозвав ребят, приказал им натереть защитный костюм листьями охры. Терпкие испарения охры перебивали запах пота, который привлекал тучи moskitov.

Нора джупоссума оказалась на территории лагеря. Зверек, разбуженный шумом, показал усатую мордочку, моргнул растерянно на огонь и вновь исчез во тьме глубокого убежища. Кое-что вспомнив, ты обрадованно хмыкнул, хлопнул в ладони, подозвал ребят и вывел их за ограду. В нескольких местах заметил разворощенную листву с перевернутой темной изнанкой. Штык упыря уперся во что-то твердое. И это был не камень, а большой джугабровый орех, величиной со страусиное яйцо. За минут пять парни извлекли из кладовых джупоссума еще несколько увесистых орехов. Довольные находкой, вы вернулись в лагерь. Там у костра ударом штыка ты расколол скорлупу и показал солдатам желтоватую, сочную мякоть ореха. То было подлинное сокровище леса – еда, богатая жирами, белками и углеводами, калорийностью не уступающая белому мясу птицы. К тому же между извилистыми складками мякоти таилась влага – сок, вкусом напоминающий молоко. Это был бесценный дар, пища, от которой зависела жизнь множества существ: джубезьян, джупоссума, джумуров, летуна-плащеносца, зуленей, кабанов, птиц, барсуков.

Ребята смотрели настороженно, выжидая. И только в затененных ресницами глазах девушки светилось понимание. Помедлив, ты щелкнул застежкой и откинул колпак шлема. Бойцы с ужасом отшатнулись от тебя. Они в шоке смотрели на тебя, как на зверя-мутанта. На их глазах произошло невозможное: их боевой командир открылся джугарному миру, он глотнул воздух, кишащий бактериями, вирусами, грибами, зараженный спорами джусойных и джубуйных растений-убийц. Он тем самым раз и навсегда отделил себя от нормальных людей и киборгов, превратившись в изгоя, отщепенца и, возможно, во врага. Видит ли это боевая башня? И как им теперь поступить? В глазах ребят застыло отчаяние.

– Я пришел к вам из леса. Я всегда был такой и жил у вас в башне под двойным стеклом за шлюзами. Я просто вернулся к себе домой. А вы можете продолжать прятаться в скафандрах. Я никого не принуждаю, – дружелюбно сказал ты, протягивая орех парням. Они все с тем же выражением на лицах отчужденно отшатнулись в сторону. Они не доверяли тебе, к тому же в один миг среда смертельно опасным образом изменилась. Возможно, кто-то из них готов выстрелить в тебя из автомата.

Вечерний ветер оведал потное лицо. Миллионы таинственных запахов, неведомых испарений плыли на тебя из сумрачных недр леса. Из травы, завес папоротников вереницами поднимались светляки. Лес вздохнул всей грудью, озарился мерцанием, затем склонился над тобой добрым джугабром. Ты был у себя дома, в лесу, об этом говорили ветер, ароматы жизни, возня джубезьян и слитный стрекот цикад. Вдалеке знакомым басом громыхнул гром. Ты улыбнулся и откусил немного ореховой мякоти. Прохлада мяты и медовая сладость разлились по гортани. Ты наслаждался питательной жемчужиной джугабра, сокровищем, сохраненным дружищем-опоссумом, припрятанным запасливо и надежно для долгожданного товарища. Зрелый плод, возвращающий надежды, наполняющий жилы маетной силой. Волшебный дар леса, открывающий язык животных и птиц. Хмель, принуждающий неумных джубезьян громко кричать с великанского дерева о желаниии и любви, а свирепых вепрей биться за самок не на жизнь, а на смерть. Тепло разливалось от желудка по животу и далее по жилам, чтобы превратиться в жар. И ты почувствовал неизмеримую мощь джугарного леса, его творческую волю, ширящуюся кругом невидимой волной энергии. И ты тотчас понял, что джугур проснулся, что он издалека прямо смотрит на тебя, своего противника. Сквозь темноту закатного пространства зверь давил вниманием прямо тебе в грудь, ибо он ощущал вызов твоей воли. И ты понимал без всяких сомнений, что это взгляд самой смерти. Это чудовище – истинный *Ие* джугарного леса отнюдь не угрожал тебе, он просто спокойно примерялся, намереваясь сновидеть успешную охоту на тебя, свою законную добычу. С доисторических времен невиданный и небывалый хищник, хозяин бескрайних джунглей угрюмо взирал на тебя, точил взглядом ноздреватое пространство, осыпающееся крошечком. Пылью и прахом обветривал и истончал тебя своим намерением безжалостного и неукоснительного убийцы, точно и верно прекращающим все сомнения живых существ, имеющих кровь, мясо и жир. И если бы ему удалось до конца досмотреть сон, где он совершал беззвучный замедленный прыжок на оленя с двумя ногами, панически бьющегося в судорогах страха, то через несколько часов реальность довершила бы видение с безупречностью послушного исполнителя. Взгляд этого победителя клубился омутом, вращал муть, обессиливая душу возможной жертвы, вовлекая

ее в водовороты страха. Джуягур пришел бы по этому психологическому следу еще не убитой добычи, но уже измочаленной и обессиленной, обескровленной ожиданием неумолимого и ужасного конца, чтобы просто поставить точку. Ты чувствовал, знал наверняка, что, глядя на тебя глазами пещерной, первородной тьмы, джуягур вовлекает твою душу в свой смертельный омут. Такова была его воля над лесом, и этому почти материально ощутимому гипнозу нужно было противодействовать.

Ты повернулся на правый бок, сосредоточенно уставился в темноту, стараясь дышать размеренно, recитируя древний суфийский зикр. Молитва и пранаяма помогли. Облегчение пришло ощущением прохлады и некоего покоя. Лес тоже настраивался на отдых, вздыхал, томился, расслаблялся пространственным существом. Ночь – это время витания запахов животных и ароматов растений. Это наркотический дурман, настоящий на миазмах и испарениях невероятных существ и трав. Миллионы орхидей, и у каждой свое чаяние, свои магические испарения. Столь сильные влечения, что происходит соитие медовых цветов и крылатых собирателей нектара. Протяжный немой крик цветущего инжира о любви, зовущий души летучих мышей из запредельных пещер. Древний экстаз бесцветным маревом окутывает мир, пробуждая бесчисленных животных и птиц, насельников дупл, нор, ям и расщелин. Обо всем этом шелестящим языком заговорил повествователь-дождь. Расправив необозримые крылья, навис он над миром и принялся трогать листву, играть с губами цветов, целовать щеки округлых плодов. Что он искал, что забыл среди деревьев, трав и бамбуковых роц? И почувствовав, как шрапнель песка обжигает щеку, надбровье, ты с невыразимой тоской подумал, что уже миллион лет как лежишь на краю кукурузно-тростникового поля, сросшись с землей, час за часом вращаясь в неопишуемые и немислимы сновидения, которым нет ни конца, ни края, ни середины, ни начала. Нет никого, кто смог бы вырвать тебя из снежно-песчаного плена, нет никакой возможности прекратить гипнотическое наваждение поля, вперившее в тебя взгляд древнего зверя – джуягура.

Дождь усиливался. От болота повеяло густым пряным запахом ряски и водных лилий. Наощупь нашел в боковом кармане хрустящий пакет. Это была упакованная в пластик накидка из алюминированной ткани, прочнейшая, легкая и непромокаемая. Нажал на кнопку. Накидка с хрустом тугого зонта раскрылась, приняв форму небольшой палатки. Металлические штыри легко вошли в землю, растягивая углы сооружения. Эту палатку, технологическое чудо, сотворенное имперскими инженерами, не сорвет никакая буря, не разорвет когтями даже тираннозавр. В условиях наводнения одним нажатием кнопки пакет превращается в надувной спасательный плот. В пустыне среди палящего пекла оборачивается белой отражающей накидкой, способной защитить от жары и песка. От души благодаря неведомых изобретателей, ты сдвинул застежку, залез в укрытие. По ИК отдал команду: солдаты завозились рядом, устанавливая свои палатки. Можно было на этом успокоиться, отчалить в беспросветный сон. Ткань не пропускает запахи, есть шанс, что зверь не учует маленький отряд пришельцев, спрятавшихся в палатках. Однако недалеко в камышах сновали, шумно возились гиенодоны – разведчики джуягура. В кроне дерева время от времени истошно вскрикивали джубезьяны, сообщая лесу о присутствии чужаков. И с этой суетой ничего нельзя было поделать.

Прожужжала молния твоей палатки. В укрытие скользнула гибкая тень. Ты встревоженно поднял голову, правой рукой нащупывая оружие. В темноте светлячками вспыхнули зеленые зрачки. «Девушка?» – удивился ты, успокаиваясь. «У меня не оказалось палатки, – шепнула она. – А я боюсь всякой нечисти, пауков, скорпионов. Командир, вы меня пустите?» Ты согласно кивнул головой, стараясь не думать, почему у этой земной девушки такие странные, как у волчицы, фосфоресцирующие зрачки. «Клон, наверное», – наконец предположил ты. Это было вполне возможным. Инженеры боевой башни научились производить киборгов, почему бы им не сотворить и клона? Ничего удивительного в этом нет.

Она удобно устроилась рядом. От нее повеяло невыразимым женским теплом, мускусным, таким удивительным, проникающим в душу. А ее невероятный взгляд обволакивал тебя гипнотической силой, увлекая в глубину забытья, где все мысли, все очертания мира сами собой рассыпались крошевом желтых искр, непрерывно вспыхивающих и гаснущих вновь. А тьма неопишуемого единения все нарастала и усиливалась, поднимаясь необъятной волной. Ты вздохнул, повозился немного, пододвигаясь ближе к женщине-волчице, затем уткнулся носом в густую нагретую шерсть, такую знакомую, родную, пахнущую степью. Жар окутал тебя с ног до головы, воздвигая между тобой и забытым миром не оболочку, а толстую, непроницаемую стену. Пространство исчезло. Вы опять лежали вместе в каменной пазухе волчьей расщелины, жались друг к другу, пытались согреться, спастись в очаге телесного тепла от проникающей сырости охлажденной лощины. Бредовый дождь веял, сеял не капли, а шепот прошедших теней. Гранит скалы источал утробный холод, скребуший стрекалами кости и суставы. В полузабытьи ты стонал от боли, скулил, как голодный щенок, сугробы одиночества выросли за спиной, как хребты, сизые от снега и ледников. Волчица сочувствовала тебе, человеческому детенышу, заблудившемуся в гуще джугары. Она вывела тебя из дебрей, приютила в своем логове. Однако в ее ли силах вернуть заблудшего человека обратно в природное лоно, чтобы все забылось, упокоилось во тьме материнского чрева? О, как понимала и проникала она своей безмерной волчьей душой! Она дышала жаром, несказанным участием, пытаясь согреть тебя, зализать твои сердечные раны. Сияла своими лунными очами, вспыхивала всполохами озарений, и не было никакого спасения от ее зрачков, вяжущих наваждением твою душу. А над горемычной долиной, словно пленники, гонимые плетями молний, чередой шли смутные дожди, стражи – суровые тучи громыхали угрозами. И каждая исторгнутая капля была летящей судьбой, чьей-то жизнью, низвергнутой волей то ли бога, то ли рока, то ли калачакры. Была чьим-то прахом, брошенным наотмашь в лоно почвы на радость низменным червям, чтобы вновь пройти через тление распада и огонь нового зачатия. И среди этих снующих призраков тебе мерещились тени твоих друзей, знакомых, родичей, вращающихся в колоссальном колесе бытия и небытия.

Сквозь сон и бред, горький туман и слезы, смежив снулые ресницы, внутренним взором смотрел ты на этот поток, шептал вялыми губами: «Скажи, зачем все это было? Скажи, почему?»

В недрах заволоченных лесных чащ жутко ухала, бесновалась голодная неясность. Под нижними ветвями джугабра витала, веяла смурными крыльями джугарная сова. Джунгли, процеживая влагу и прохладу дождя, прислушивались к подспудному течению времени. Сколько осталось жить лесу, необозримому

пространственному существу, равному морю и океану? И томительно вздыхая, не веря до конца в реальность видений, лес встряхивался, вздрагивал всем телом, как бы удостовераясь, я ли это, распростертый на теле тверди, богатой, бесконечно длинной, щедрой матери-земли?

Вдруг всполошенно заверещал сторожевой джубезьян. В темноте с гулом прынуло в сторону стадо испуганных зуленей. В камышах злорадно захихикали и захохотали гиенодоны как бы в предвкушении долгожданного пира. Их шумный лай все же обозначил подвижную звуковую границу вокруг кого-то, чрезвычайно могучего и опасного для зугиен, пробирающегося к лагерю, кого они окружили почтительной цепью сопровождения. «Вставай, он пришел!» – прямо в мозг шепнул бесплотный голос.

Усталые солдаты спали беспробудным сном, но только не следопыт. Твоя тревога передалась и ему, бывалому проводнику. Его палатка была рядом, и ты слышал, как в темноте боец быстро облачается в панцирь, нащупывает оружие. «Буди ребят», – по сети шепнул ты ему, а сам, кивнув девушке, мол, следуй за мной, нырнул в отверстие выхода.

Не прошло и минуты, как взбудораженные парни, наспех похватав автоматы и одежду, столпились в центре лагеря. Ты бессознательно искал глазами девушку и не находил ее. Следопыт стоял у кучи хвороста в раздумье. Он оглянулся на тебя с немым вопросом, и ты согласно кивнул головой. Огонь сейчас нам нужен. Это правильное решение. Если зверь нападет в темноте, то беды не миновать. Ребята в панике перестреляют друг друга. Огонь или отпугнет джужугура или, по крайней мере, покажет ребятам, в кого стрелять.

Следопыт щелкнул зажигалкой. Еще минута, и костер запылал жадным жарким пламенем. Вокруг заметались тени и привлеченные светом бражники. Стая на дереве загалдела еще сильнее. В злобной истерике бесновались зугиены в тростниках, шумя сухостоем. Ты пожалел, что накануне не приказал солдатам соорудить наблюдательную вышку. Как она сейчас пригодилась бы!

Вслед за этой мыслью ты явственно ощутил, как само собой начало замедляться время. В тишине, затопившей мир, ты услышал, как гулко бьется сердце, закипает кровь в висках, затем ты увидел, как присел на колени следопыт, выдвигая лезвие упыря, как завозились возле костра парни, бестолково что-то деля с оружием и кнопками экзоскелетов. Выпрыгнула из тьмы девушка, устремляясь к тебе. Тростники легли багровым валом, затем они распались пенными, бурлящими струями. И ты с томительным удивлением уставился на кукурузных мальчишек и девчонок с прыгающими вихрами, челками и чубами, подростков, со всех ног толпой бегущих к тебе. Они летели стремительно, дружно, креня шатер джугабра немо орущими глазами. Оставалась еще какая-то секунда, но она неумолимо превращалась в ледяную нить. Время замирало, расплывалось вязко, и ты почувствовал, что ноги схвачены оцепенением. Они были поглощены холодной тиной, разживившей все мускулы. «Все пропало, я погиб», – успел подумать ты, пытаясь понять, о чем же она кричит такими жуткими, застывшими зрачками. Что же происходит за твоей спиной? Но ты был не в силах обернуться – ноги тонули в болотной жиже, а глаза приковало к ней. С ней происходило что-то невероятное. В немыслимом прыжке через всю площадку она вытянулась в длинный зеленый призрачный, блеснув закаменевшими слюдяными зрачками, нырнула прямо тебе в грудь. Как будто там было какое-

то отверстие или заводь. А вслед за ней все эти тростниковые мальчишки и девчонки ринулись на тебя, прыгая на спину, грудь, живот. Зеленая морская волна бурлила вокруг тебя. Вдруг немоту прорвало, и ты услышал крики. Дикими голосами орали бойцы, показывая на камыши куда-то за твоей спиной. Выпрямился следопыт, выставляя упырь как копье.

Вдруг оторопь прошла. Ты развернулся, мысленным импульсом приведя в активность экзоскелет, правой рукой схватился за рукоять меча. Искал глазами автомат, но тот почему-то лежал на земле, и некогда было уже поднимать его. Потому что твое внимание целиком и полностью оказалось захваченным сценой полета громадного черно-полосатого шара, разбухающего высоко над изгородью. И ты физически режущей болью в животе ощущал, что вся твоя жизнь, судьба вселенной почему-то сейчас собрались в этом непонятном зловещем шаре, с нестерпимым шипением раздувающимся над изгородью. Затем у этой сферы выявилась кошмарная морда, сверкающая громадными клыками, потом выросли передние лапы с кривыми серповидными когтями, нацеленными прямо тебе в горло. Двенадцать острейших ятаганов на передних лапах, еще двенадцать на задних. Этот лесной сумоист-зверь с сокрушительной дробилкой зубов и когтей, с невероятной мощью мускулистого полуторатонного тела сейчас навалится на тебя. Через мгновение вся эта махина рухнет на тебя, чтобы рвать и терзать твое тело. С изумлением ты понял, что экзоскелет не отвечает командам мозга. Он должен был моментально усилить твои мускулы раз в десять. Например, бросить тебя во встречный прыжок. Панцирь бездействовал. Солдаты же, включив экзомеханизм, один за другим взлетали в воздух, чтобы прикрепиться к веткам джугабра. На площадке остался один только следопыт. Размахивая упырем, оголтелым криком пытался отвлечь монстра на себя. Но было поздно. Невиданная тварь сейчас падет именно на тебя. Автомат далеко. Меч застрял в ножнах, панцирь бездействует.

Ты увидел лик смерти. И тогда нахлынула ярость. Это была реакция тела, не желающего умирать. Отчаяние сознания перед гибелью, перед оглушающим ударом пучины. Рот исторг ужасный вопль, ты повернулся навстречу джугагу, что-то хрустнуло в шейном позвонке, и тотчас невероятная сила ледяным огнем обожгла спину до самых клеток, костного мозга, затем кипенно ринулась в мускулы. Почудилось, сама земля отшатнулась от тебя куда-то в сторону вниз. Но это вырос ты, трансформируясь в колоссального пещерного медведя. Лапы метнулись вперед, выпуская громадные когти. Вздрыбилась шерсть на загривке, и в помрачении рассудка, сознавая себя больше медведем, нежели человеком, ты шагнул к джугагу и наотмашь ударил его правой лапой, левой же закрыл свое горло от кинжально острых когтей исполинской кошки.

Ветви дерева царапнули череп. Пещерный медведь не знает меры ни своей силе, ни бушующей ярости. Саблезуб, отброшенный в сторону, все-таки успел пропороть твое плечо. Оттуда ключом забила горячая кровь. Запах крови привел медведя в бешенство. Сотрясая лес ревом, он кинулся на врага. Тот прынул навстречу. Огромная клыкастая морда с вытарашенными зрачками моталась туда и сюда перед тобой, ты удерживал ее, схватив лапой за один клык, другой ты бил, рвал, давил тугое тело зверя, тяжелое и как бы сплетенное из стальных жил. И не ощущал, как когти кошки полосуют твое тело, пытаясь добраться до жремной жилы.

Пронзительное шипение джугура, клокочущий рык медведя, истошные крики джубезьян, истошный визг зугиен, мечущихся за изгородью – все это слилось в бурю звуков. Саблезуб, получив новый мощный удар медведя, отскочил в сторону. Он не привык отступать, но никогда не встречался в бою с пещерным дэвом, да еще так неожиданно возникшим на пути. Он был в растерянности – прямая атака не дала результата. Но он смог бы достичь цели, если бы ему удалось приземлиться на хребет врага. Изловчившись, он вновь прыгнул, но теперь на ствол дерева, и оттуда, мощно оттолкнувшись, по другой траектории коварно ринулся на спину медведя. И его расчет оказался верным. Через секунду он уже был на горбу противника. Он глубоко запустил когти в спину медведя, одновременно длинными клыками начал ломать его шейный позвоночник. Следопыт, увидев это, замер с поднятым упырем. Он никак не мог попасть в тело кошки. Сила экзоскелета всякий раз во время прыжков забрасывала его дальше нужной точки. И тут он стал свидетелем неожиданного маневра. Медведь тяжело присел, затем прынул вверх, и уже в воздухе, перевернувшись, рухнул на спину, сминая своей массой хищника, оказавшегося внизу. Следопыт подбежал и изо всех сил ударил штыком прямо под правую подмышку джугура. Рев и одновременно кровавая пена хлынули из разинутой пасти зверя. Медведь вывернулся из лап поверженного врага и вцепился когтями в его горло. Жестоким ударом он вырвал клок мяса из-под нижней челюсти противника. Еще одна атака такой же силы. Такой толчок, наверное, свалил бы дерево. Джугур вновь взревел и затих. Медведь встал во весь свой исполинский рост, оглянулся, все еще рыча, брызгая слюной и пеной. Следопыт с опаской следил за ним. Он был вне себя и никак не мог понять, кто перед ним. Пещерный *Ие* был тяжело ранен, кровь хлестала из раны на плече. Ты, мотая головой, грозя лапами, шагнул к изгороди и исторг шквальный рев навстречу стае гиенодонов. И в этом бушующем вопле слились торжество неодолимой силы, предупреждение тварям и страдание от растущей боли. Затем медведь тяжело осел, с хрипом упал на землю.

Ты пришел в себя от непонятных толчков, пыхтения и сопения. Мутное небо, смешанное с темными кронами, безостановочно двигалось. Шуршали заросли, стеной выплывая из мрака и уходя мимо туманом. Солдаты молча шли рядом. Чье тело на носилках в их руках? Кого они несут? Неужели кого-то из ребят? Ты дернулся и с приступом боли понял, что парни тащат твое тело, не медвежье, а человеческое. Солдаты были чем-то подавлены, они шли понуро, придавленные чувством вины. Ты вник в их мысли и понял состояние ребят. Они вынесли с поля боя израненного командира, но им было мучительно совестно за свое бегство. Наверное, каждый из них, кроме следопыта, вновь и вновь прокручивал в голове сюжет, представляя события иначе, когда он первым кинулся бы в смертельную схватку. Эти уловки, конечно, были пустой игрой! Возможно, они пытались понять, какая сила заставила их ринуться прочь от зверя. Но калачакра уже ушла от этого момента, время повернуть вспять было нельзя. Наверное, они осознавали, что в жуткой битве командир победил, но отряд потерпел поражение. Но где же она? Ты встревоженно искал ее глазами. Попытался приподнять голову и со стоном уронил обратно – боль раскаленным железом вошла в затылок.

Выбираясь из тисков забытья, ты пытался понять, на самом ли деле произошло жестокое сражение с джугуром или это был кошмарный сон, навешанный

наркотическим зельем окаянной бабы-хуторянки. Пока ты терзался сомнениями, маленький отряд все дальше углублялся в сплошные дебри. Периодически теряя сознание, ты оказался в хаосе, – восприятие было разбито на бессвязные осколки. Выплывая из сумятицы, ты не в силах был разобраться со скачущим временем. Неизвестно было, сколько часов или дней прошло с тех пор, как группа вышла в путь с носилками. То казалось, что пора остановиться на ночлег, потому что на землю наваливались чернильные сумерки. Но через минуту удушья во тьме выяснялось, что в лесу рассветает, и деревья обгаются первыми лучами зари. Невидимая сила быстро тасовала и самое движение, ты полагал, что солдаты идут все время на восток, внезапно обнаруживалось, что они шагают в обратном направлении, при этом солдаты постоянно поворачивали то налево, то направо, безнадежно запутывая сознание кружевной пляской лесной тропы.

Одно было неизменным в этом потоке разорванных ощущений – это боль, севшая на спину и грызущая позвоночник. И вновь, стремглав летя в гущу воспоминаний, ты умолял Редактора ослабить тиски наручников. Тиран был неумолим, в хохоте запрокидывался всем тучным телом моллюска, и тебя скручивала жестокая сила тошноты. Солдаты молча шли, как тени. Деревья, словно огромные стяги, наклонялись над тобой. Боль полностью поглотила твоё сознание, она превратилась в темный пучинный океан.

– Рейнджеры! – сказал кто-то рядом. Из багровой дымки выступила группа рослых атлетически сложенных людей. «Что за сон?» – подумал ты. Темнокожие атлеты в звериных шкурах, рассыпая блеск копий, приближались. Все новые и новые копьеносцы выступали из-за завесы, присоединяясь к отряду. Солдаты остановились. Загадочные лесные воины окружили носилки. Мрачные великаны стояли плотным кругом. Они молча взирали на тебя. Косые лучи солнца, пробившиеся сквозь листву, окрашивали их суровые лица в бронзовый оттенок. Следопыт возник откуда-то сбоку. Он подошел поближе и откинул край накидки, жестом показывая на твои раны. Лесные люди переглянулись, оживленно перебрасываясь короткими фразами. «Ягур! Ягур!» – то и дело повторяли они высокими голосами. Затем они, как по команде, уселись тесным кругом со скрещенными ногами и, глядя на тебя полузакрытыми глазами, принялись петь. Это была странная, катающаяся, как хрупкая сфера, сплетенная из невидимых терний, неопишимо мрачная, необъятная звуковая волна. Этот темный шар инфразвука свободно проникал через тела людей, вовлекая в круговорот постоянных покалываний. Воины раскачивались в трансе, то и дело переходя на высокие обертоны с томительными воющими переливами. Вскоре ты почувствовал легкий жар, поднимающийся по телу от ног и выше. Тепло усиливалось с каждой минутой. Тебя затопило вибрацией, и она, покалывая, реяла, веяла над кожей.

Воины периодически вскакивали и принимались быстро кружить вокруг носилок. Их ритмичные движения зачаровывали взор дикой природной грацией. Хор истоиво воющих и глухо урчащих голосов усиливался, казалось, рядом собралась огромная стая мифических волков и барсов, в неведомом ритуале исторгающих объемную звуковую сферу. Туман, пронизанный карминовыми нитями, плыл перед глазами. Боль куда-то исчезла. Ты лежал, отрешенно наблюдая за шаманским действием лесных людей. В центре группы властвовал рослый старик с длинной бородой в леопардовой накидке. Потрясая копьём,

он то и дело подбегал к носилкам, надув щеки, извергал изо рта целый каскад сверкающих брызг. «Откуда он берет воду?» – удивился ты. Необычным было и то, что вода, которой он поливал тебя, не охлаждала тело, а усиливала жар, разливающийся по костям. В непонятном ступоре углублялся вниманием в танец воинов, замечая то, что раньше ускользало от твоего сознания. Некоторые из рейнджеров теперь бросались в глаза явно нечеловеческими чертами. То, что раньше ты принимал за гротескные маски, надетые воинами, теперь воспринималось уродливым ликом устрашающего мутанта. У некоторых над челюстями проступали крупные клыки, усиливая звериный оскал. То и дело на глаза попадался воин с мускулистой мордой пантеры, невдалеке плавно кружился верзила с крючковатым лицом орла, периодически попадал в поле зрения вояка с мощным покатым лбом и крупным львиным носом. «Я устал, мне мерещится невесть что», – подумал ты, моля бога послать беспмятный сон. Однако небеса решили по-другому. Транс стал еще более глубоким. Воздух прозрачно осветлился, как будто кто-то чистой водой промыл лесную завесу. И ты увидел множество лесных людей, юношей и девушек в татуировках, в звериных шкурах. Они были в масках джубезьян и джумуров. Они ехали через лес верхом на зулонах, зуленях и буйволах. Их было несметное множество. Это было джугарное воинство, идущее на передовые рубежи. Воины авангарда высоко вздымали флаги с изображением джугура, вставшего на дыбы. Вдруг вся масса джугарных воинов взревела, сотрясая лесную ширь: «Ягур! Ягур! Ягур!» Ты не верил своим ушам – над всем миром произносилось новое имя как боевой клич войска.

Ты пришел в себя от глухого нутряного рева двигателя. Мощный роторный мотор нес машину ровно, без усилий, взвывая, однако, на склонах балок и крутых подъемах. Прислушался к телу. Боль затаилась где-то недалеко. Тело было послушно, оно своим таинственным языком импульсов сигнализировало о порядке. Тогда ты решился и с трудом разлепил тяжелые веки. Ты лежал на кушетке, привязанный широкими ремнями к поручням. Матово мерцала внутренняя поверхность титановой брони. Сотнями разноцветных огоньков играла приборная панель перед креслом водителя. Грузный с астматическим дыханием человек сидел рядом, повернувшись к водителю. Он перебрасывался с ним короткими энергичными фразами. Из этого диалога ты понял, что спасательный танк РСТ возвращается к ангарам империи.

Машину сильно тряхнуло. Ты не смог удержаться от стоны. Сидящий рядом обернулся, и ты увидел встревоженное лицо Редактора. Член Совета, облаченный в маскировочную форму, с озабоченным видом склонился над тобой. Ваши взгляды в немом вопросе встретились. Однако вновь утробно взревел мотор. Танк бросило в сторону. По броне ударила дробь раскаленного свинца. Водитель зло матюгнулся. Новый маневр, сзади громыхнул взрыв. «Шарахают птурсами. Это не островитяне!» – заорал водитель, обернувшись, и ты увидел безусое, азартное лицо парня. Нет, это не тренажер – на самом деле идет бой, и танк попал в переplet. Редактор кинулся к монитору. «Так и есть! Федераты! Сволочи!» – ругнулся он, сигнализируя рукой стрелку, сидящему где-то вверху в башне: «Короткими очередями огонь!» Танк, не останавливаясь, на полном ходу отгрызнулся пулеметными очередями. Еще, еще!

Ты поразился выучке водителя. Танк мчался по пересеченной местности, умело маневрируя среди деревьев, развалин разрушенных зданий. При этом мониторы бокового обзора все время показывали передвижение противника. Водитель, как бы интуитивно чувствуя намерение вражеских наводчиков, вовремя уводил машину от залпов пушек и птурсов, в то же время он давал возможность своему стрелку ответить из основного орудия танка. Вновь рывкнула стопятидесятимиллиметровая пушка РСТ. Торжествуя завопил Член Совета, потрясая руками. Как мальчишка, забыв о своем высоком положении, он бурно радовался удачному выстрелу.

Танк вырвался из гущи леса. Вслед за ним выкатили окрашенные в тусклый зеленый цвет машины врага. И тотчас поле вокруг РСТ вспучилось бурой и оранжевой кашей огня и земли. На мониторе ты увидел потрясающую картину. Все три имперские башни, оцетинившиеся стволами пушек, лазеров и мазеров, с качающимися чашами радаров, выплевывали густки поражающего огня в сторону преследователей. Орудия посылали снаряд за снарядом, а мазеры направляли струи ослепительной плазмы.

Торжествуя орал и приплясывал Редактор: «Вот вам! Вот вам, суки, федераты! Получили?» РСТ мчался на полной скорости. Сзади бушевало жерло вулкана, разливая потоки раскаленной лавы. Башни вели огонь на уничтожение техники противника, оказавшейся на запретном поле. Здесь, на этом пустыре, каждый метр земли был заранее пристрелян, поэтому через считанные минуты от танковой колонны федератов остались груды искореженного дымящегося металла. Показались приземистые очертания бетонных ангаров у подножия мегабашен. Металлические створки гигантских ворот были раздвинуты. Управляемые гидравликой, они тотчас сомкнулись, укрыв РСТ, вырвавшийся из адской круговерти огня и дыма.

Гулкое пространство бокса. Неоновые светильники, разливающие зеленое марево. Протяжные команды и бегущие силуэты солдат ремонтных подразделений. Санитары поднимают тебя с кушетки, кладут на носилки. Лифт, похожий на НЛО. Клацание каблуков, грохот подошв по металлу пола. Вы все еще в нижних ярусах башни. Тяжелое дыхание бойцов, несущих носилки. Где мои парни? Где следопыт, и где все-таки она? «Спасены! – подумал ты, отдаваясь всей душой чувству облегчения. – Все они живы, и я выполнил приказ». Каждый шаг носильщиков приближает тебя к заветному покою, к обетованному месту, где ты можешь забыться, отдаться тишине и покою, где вещи прислушиваются к твоей душе, где ты сможешь привести в порядок мысли и чувства. Где ты сможешь надолго уйти в беспмятство и Незнание ничего. Выспаться бы на своем диване! Ты вздохнул и закрыл глаза.

Открыл глаза. Было утро. Удивился неожиданной легкости тела. Кажется, от ран и боли ничего не осталось. Подергал руками, ногами, – действительно, тело было в полном порядке, организм отвечал сигналам сноровисто и послушно. Твой экзоскелет, тускло светясь лаком, висел на своем месте. Вскочил, прыгнул на беговую дорожку, включил тренажер и ярко заработал ногами. Сохранял темп бега до тех пор, пока не полился обильный пот. После продолжительного душа и плотного завтрака ощутил, как ясность возвращается в сознание и поднимается настроение. Обошел квартиру, проверяя, все ли на месте. Компьютер мигал индикаторными огоньками. В ящиках кладовки все теми же ровными рядами,

радуя глаз, покоились литиево-ионные батарейки. В шкафах в оружейной комнате хранили свое грозное молчание боевых механизмов автоматы, пулеметы, базуки, карабины, винтовки, помповые ружья. На полках утопали в таинственном безмолвии ножи, кинжалы, мечи, сабли. В ящиках поблескивали гранями гранаты, подствольные заряды. Осмотрев арсенал, ты с удовлетворением хмыкнул. Запас боеприпасов и оружия был совершенно не тронут. Это означает, что в твой дом не проникли не только джумуры и джубезьяны, но и люди. «Значит, джупиры не смогли пробить ставни», – отметил ты и открыл люк, чтобы спуститься в нижний шлюзный этаж. Шлюзные камеры тоже были в полном порядке. Из одного крана капала кислота, и ты плотнее закрутил вентиль. В сомнении глянул на люк, скрывающий проход в подвальное помещение. А вдруг там полным-полно неведомых джугарных тварей? Или там буйно проросли грибы и бледные пещерные поросли, кишасшие слизняками, пиявками, червями? Потом, не приведи господь, не отмоешься от их жижи, спор и семян, высеянных нечистью, например, двурогими моллюсками. Это такие создания, что не дай бог заразиться их спорами. Личинки по кровотокам проникают в мозг и оттуда начинают управлять хозяином.

Так и не решившись спуститься в подвал, поднялся в жилой комплекс. Заглянул в холодильники. Они были забиты едой, субпродуктами, консервами. Запаса продуктов хватило бы на год или еще больше. Ты подивился рвению запасливого человека-суриката. Он добывал продукты в кладовых гибнущего города, днем и ночью неустанно таскал еду в основном по подземным коммуникациям. Он до отказа забивал едой свое заранее оборудованное бетонное убежище. Потому что он знал, ведал кое-что о будущем. В то время как горожане предавались праздным утехам, гуляли, отводя душу в кафе и ресторанах, казино, зланных заведений, коим не было числа и счета в новых Вавилонях этого мира. Пока они вот так бродили, бредили, гуляли и фланировали, спуская последние денежки, ты, предвидя неизбежное, сооружал, укреплял железобетонную пещеру, бронировал двери и окна, запасался аккумуляторами, привинчивал солнечные батареи к крыше, устраивал фильтры в отдушинах. Но самое главное – из кожи вон лез, чтобы создать многодневный жизненный запас. Чего только здесь нет: консервы, растительное масло и кулинарный жир, маргарин, икра, колбаса всех сортов, сливочное масло, сухое молоко, сгущенка. Еще пакеты с шоколадом, печеньями, мороженая и сушеная рыба, птичьи тушки. К тому же мясо, вяленое, копченое, огромное количество кураги, сухофруктов, завернутых в специальную бумагу, чтобы плесень не завелась. Гастрономическое изобилие человека-суриката, со знанием дела описанное в реестрах Малыша-утенка, дожидалось своего повествователя, дабы эти небывалые клады были воспеты и занесены в анналы истории. И не по причине огромного богатства, а ввиду редкой рачительности и педантичности, с которой вся эта гора была распределена, систематизирована в определенном порядке. Наверное, потому, что все эти вкусности и лакомства не были свалены в кучу, каждый продукт был на своем месте, обернут или размещен открыто, и к каждому предмету была прикреплена бирочка с поясняющей надписью. Среди бесконечных рядов, блоков, полочек с едой ты увидел нечто странное, подозрительно не обозначенное буквенной дощечкой. Как будто кто-то тебя толкнул в спину, ты качнулся к этому месту и увидел то, от чего у тебя перехватило дыхание. На куче медовых кренделей и пряников спокойно, даже как-то величественно возлежало одно-единственное яйцо, перепелиное. Без надписи

или пояснительной маркировки. Ты похолодел от ознобной волны, едва дыша, подошел, наклонился. То было слабо окрашенное, пестрое яйцо, ровно в середине обведенное аккуратным белым пояском, на более светлой поверхности овала было ясно выписано вдохновенное женское лицо. Ты тронул яйцо – на другой половинке красовался знаменитый даосский символ Инь-Ян. Пол покачнулся под ногами. В голове загудело, словно кто-то включил ток высокого напряжения. «Где я это видел?» – ошеломленно спросил ты у пространства. Кровяное давление мгновенно поднялось до критического предела, в глазах потемнело, и ты вынужден был ухватиться за ручку холодильника. Глиняная статуэтка на подоконнике ощутимо шевельнулась, и Собеседник насмешливо глянул на тебя глянцевыми глазами. Ты похолодел. Что это такое?

– Что это такое? Как этот знак читается? – нетерпеливо спросил голос по ИК.

И ты тотчас очнулся, словно тебя ушатом холодной воды облили. Хлопнув дверкой холодильника, ты устремился в жилую часть дома. И несколько не удивился, увидев в кресле знакомую фигуру. Член Совета быстро встал, козырнул тебе и почтительно наклонил голову.

– Что ты? Что ты? – смущенно забормотал ты.

– Вы теперь в статусе командира десантного подразделения, Ягур, – пояснил Редактор, располагаясь в кресле.

– Ягур? Как это? – все еще недоумевал ты.

– Лесные рейнджеры дали вам новое имя – Ягур. После схватки со зверем. И мы, Совет, военное командование, армия приняли это ваше новое имя. Это означает более высокий статус в военной иерархии. Не сомневайтесь, вы заслужили его кровью и потом! – выразительно подчеркнул Редактор. Его пальцы безостановочно бегали по коже подлокотников кресла.

– Вы это видели? Вы все знаете? – с беспокойством спросил ты.

– Вы сомневаетесь в нашей технике? – вздернул бровями член Совета.

– Нисколько! – поспешил успокоить сановника ты. – Напротив даже. Ваши технические возможности, ресурсы, а также боевая подготовка солдат меня все время восхищают!

– Вы льстите нам, – недоверчиво глянул господин. – Бойцы отнюдь не на высоте. Для этого мы и направили их вместе с вами, чтобы они научились действовать в реальной экстремальной обстановке. Мы очень сожалеем, что в критический момент схватки группа подвела вас, то есть бойцы бросились в бегство, спасая свои шкуры. Конечно, такой поступок не красит военнослужащего императорской армии. Это, конечно, позор! Мы приняли решение расформировать разведотряд, а бойцов подвергнуть суровому наказанию.

Сановник гневно изогнул бровь, едва не просверлив тебя взглядом. Ты почувствовал себя виноватым, будто не ребята, а ты сам совершил непростительный воинский проступок.

– Но ведь не все сбежали, – возразил ты, следя за мимикой члена Совета. – Есть еще двое, девушка и следопыт. Они были со мной до конца, и их участие повлияло на исход сражения. Кроме того, действие отряда я рассматриваю как маневр. Они включили экзомеханизм и увернулись от атаки джугура. Затем подросли девушка и следопыт, они применили оружие. Они подросли вовремя, и если бы не они, кто знает, как все сложилось бы. Кто знает?.. А потом все

произошло неожиданно, очень быстро, почти мгновенно. К тому же отряд не бросил своего командира. В соответствии с уставом они вынесли меня с поля боя, вызвали спасателей.

Искреннее удивление растопило холод в глазах Редактора. Неожиданно легко для своего большого тела он подскочил и принялся расхаживать по комнате.

– О следопыте мы знаем. Но девушка? Ее в отряде не было. Откуда она взялась? С вами было всего-навсего шесть бойцов, и все – парни! О какой девушке идет речь? Вот отчет вашего ИК. Смотрите!

Редактор кинул тебе на колени карманный компьютер. Пяти минут тебе хватило, чтобы пробежать глазами файл. Действительно, на диске был отражен каждый эпизод из многодневного похода, ничего не было упущено. Особенно подробно запечатлена битва с джугуром. Ты вновь испытал волнение, увидев устрашающего монстра. Однако фигуры девушки нигде не узрел, ни в одной сцене! Что это такое, как это может быть? Колени задрожали, слабость размывла восприятие. Ты сидел, словно оглушенный ударом по голове. Взяв себя в руки, ты увидел, что Член Совета вновь сидит в кресле. Он внимательно и с большим интересом смотрел на тебя. Его глаза начали давить довольно-таки чувствительно.

– Полагаю, что ИК не все показал нам. Это означает, что канал был заблокирован или отредактирован прямо на месте неизвестным нам способом.

– То есть? – пробормотал ты.

– То есть мы узрели только то, что было разрешено видеть нам. Это свидетельствует о присутствии в процессе неподвластной нам технологии. И неизвестно, когда она включилась. Федераты тут ни при чем – они на такое не способны.

– И что вы думаете?

– Полагаю, что тут вновь проявился феномен Поля. Он воспроизвелся повторно, как тогда, на снежном тростниковом урочище.

– Ты хочешь сказать, что мне помогла женщина-волчица? – отбросив экивоки, ты прямо взглянул в глаза своему старому товарищу.

– Она самая, – выдержал взгляд Редактор. – Произошло то, что мы ожидали с самого начала. Манифестация полевой силы. Через тебя. Твою впечатляющую трансформацию в медведя ИК нам показал добросовестно, но нигде, ни в одном моменте ЕЕ мы не засвидетельствовали. Она была полностью вне нашего восприятия. Факт этот сам по себе грандиозный. Вся империя следила за походом, и никто ее не заметил. И она повлияла на исход события, имеющего для империи чрезвычайное значение. Любой мыслящий человек сделает из этого соответствующие выводы.

– Какие? – с тревогой спросил ты.

– Тот, кто невидим, сильнее тебя. Хотя, должны признать, помогая тебе, она невольно помогла и империи. Все зависит теперь, будет ли она поддерживать тебя и далее.

– Значит, она друг? – спросил ты.

– Совет этого не знает, – возразил толстяк. – Трудно сделать такой вывод только из одного эпизода. Мы давно воюем с федератами, островитянами. И при этом обнаруживаем, что есть еще одна сила, неизвестная нам, могущественная. И мы не знаем, чью сторону примет эта третья сила. Вот что беспокоит Совет и самого императора.

– Да, это серьезно, – сочувственно произнес ты.

– Есть и четвертая сила. И она целиком и полностью – тайна.

Редактор это произнес высоким голосом, щелкнув кнопкой. Штора с окна поползла в сторону, и ты увидел потрясающую картину. Исполинский черный утес, уходящий вершиной за облака. Колосс, поражающий воображение масштабами небывалого сооружения, величиим неземной архитектуры, ощущением грозной и мистической неизвестности, излучаемой матово-черной непроницаемой стеной, уходящей за пределы взгляда.

– Черная башня, – прошептал ты.

– Мегабашня неизвестных, – резко произнес член Совета. – Мы ничего не знаем о ней: ни того, что или кто есть внутри, ни того, кому она принадлежит. Ее поверхность абсолютно непроницаема. Она отражает все: любые инструменты, лучи, волны, оружие. Мы не смогли даже молекулы отколупнуть от нее. И она еще окружена силовым полем. То, что башня – не голограмма, мы поняли давно. К тому же она постоянно растет. И мы не знаем, до каких пределов? За счет чего происходит ее рост? Сейчас ее высота достигла трех километров.

– Не может быть!

– То-то и оно! Что это такое? Тайное оружие джугары-поля? Или наоборот – джугара есть ее инструмент? На эти вопросы нет никакого ответа. Кстати, мы до сих пор не можем понять, как федераты пронюхали об операции твоей группы? Они действовали с поразительной быстротой и решительностью. Не успела группа дойти до лагеря рейнджеров и вызвать спасательную команду, как танки федератов оказались на позиции перехвата. Мы ввязались в бой. Едва вырвались. Хорошо, что танк РСТ оказался из гаража самого императора.

– И что?

– Танк императора защищен специальной двойной броней и имеет усиленный газотурбинный двигатель. Вот что нас спасло! Иначе нам всем были бы кранты. Но ты остался бы жив.

– Почему?

– Судя по всему, им нужен именно ты. По той же причине, почему необходим нам, – толстяк, вставая, взглянул на тебя очень значительно.

– Там в танке ты действовал как настоящий командир. Спасибо тебе! – после некоторого раздумья сказал ты довольно-таки искренне.

– Да? – он был уже у самого порога. Он с улыбкой обернулся. Твоя похвала обрадовала его. – Не зря днями трудился в тренажере. Да, извини за ошибку. Санитары по незнанию поместили тебя в дом суриката. А твой дом этажом выше. Это просто результат спешки и переполоха. Бывает.

– Понимаю, – улыбнулся ты, глядя на пол. – Понимаю и прощаю.

Уже нажимая на кнопки дверной панели, Член Совета спохватился:

– Совсем забыл! Завтра церемония СВС в твою честь. В ознаменование открытия рыцарского ордена Ягура. Но до этого ты удостоишься аудиенции у самого императора. Это высочайшая милость. Ее значение невозможно переоценить. Сегодня прислуга придет готовить тебя. О, аудиенция! Я завидую тебе, Ягур!

* * *

За окном шумел тропический ливень. Несмотря на сплошной поток прохладной воды, слышались звонкие голоса птиц. Молнии чертили по полотну неба зигзаги неведомых иероглифов, как бы открывая новое повествование. Джугара

ворочалась, встряхивалась всем необъятным телом, словно исполинский зулон, оказавшийся в озере после неистового пекла. Через расстояние и даже сквозь стекло-броню башни ощущалось, как ликует, радуясь животворной влаге, джугарный лес, подставляя под низвергающийся водопад трепещущие ветви и небо-зримый лиственный кров. Бесчисленные соцветья плодовых деревьев оживали в этом сретении неба и земли, слиянии сил и соков.

Ты улыбался, глядя во тьму. Как ты любил дождь и такой вечер, взъерошенный мокрым ветром. Получив теплое напутствие Собеседника, нахлобучив кепку, подняв воротник плаща, выходил ты наружу, чтобы побродить по уютным зеленым проулкам. Чтобы тихо шастать себе ночной тенью, заглядывая в окна, витать призраком и бредить о прошлом. Помнится, тополя кренились над тобой сырыми тучами, все шумели, перекликались голосами ворон и галок, напоминая тебе о далеком дедовском доме, зовя тебя в деревню, в прошлое, заволоченное неизбывной печалью.

Ты лежал на диване, скрипучем, ватно-тяжелом, ветхом. Такой же старикан некогда служил в твоём доме. Ты мечтательно улыбался. В груди светились грусть и радость. Тебе нравился дом суриката, где по-прежнему каждая мелочь говорила о ней, о женщине-оленихе. Хозяйке с лейкой в руках, которая, скорее всего, час назад покинула эти комнаты, чтобы сходить в магазин за едой и напитками. Эти дорожки и палас помнили силу её рук и магию гудящего пылесоса. Скоро она вернется с полными пакетами. Стукнет дверь, скрипнет половица у порога, зашелестит одежда, и прихожая озарится невидимым светом. Ты улыбался со слезами на глазах. Неужели она жила когда-то с тобой в одном доме? Верной тенью пребывала рядом, готовая защитить тебя от всех напастей этого мира. И чудесным образом оказалась рядом с тобой, когда зверь-джугур распростер над тобой свой смертельный прыжок. Но кто такой следопыт? И что Она за существо, которое не смогли зафиксировать ни датчики, ни сенсоры имперской сети раннего предупреждения?

Тихо щелкнуло в недрах квартирного компьютера, тотчас замигали индикаторы музыкального центра, ожившего весьма кстати. Запели сочными, переливчатыми голосами призрачные соловьи, купаясь в щебечущих струях зеленого кипенного дождя. Они встряхивались в экстазе всем пухом и оперением, брызгая каплями, гроздьями сверкающей влаги. Янтарные шары, налитые бусинки падали в поющие воркующими голосами ручьи, со звоном сталкиваясь, распространяя волны мелодии, малиновое журчание и жемчужные трели. Как ты любил эту музыку, вечернее или рассветное упоенное пение сада, зреющего плодами и птахами, роши, несметно украшенной листьями и перьями, манящей взорами, улыбками пери, притворившихся птицами. Эту музыку всем сердцем любила и она. И ты силился представить, как внимала она этим щелкам-перещелкам, изошряя душевный слух. И чувствовал, как неумолимо и неуловимо осыпаются в бездну хрупкие кристаллы мгновений. Как поднимаются и тотчас увядают ростки ощущений, скрытые в груди человека. Кому они были нужны?

Нельзя дважды вступить в одну и ту же реку бытия. Нельзя вернуть мгновения, ушедшие в прошлое, тем более если они увяли и осыпались крошечком под сердцем. Не воскресить уже те долгие вечера, когда вы вдвоем, затерявшись в аллеях, слушали музыку соловьиного сада. И никакой силой не воспроизвести те проникновенные взгляды, которые связывали ваши сердца в одно целое, пере-

живание невыразимого единства. То чудо нежности блеснуло над вашей судьбой и кануло в прошлое. Однако почему сейчас на твоём лице ответ дождя и улыбка? Кто знает. Ты благодаришь providение за те воспоминания, которые подарил тебе дом суриката. И не защищаешься от острых коготков печали, которые роются в твоей груди по прихоти минуты. Смотришь внутренним оком в вереницу теней, уходящих во тьму лет. Каждая из них – слой за слоем залегающая боль. Это призраки людей, навсегда ушедших в пучину безвременья. Странно, галактическое колесо не повернулось и на миллиардную долю градуса, а несметные толпы поколений, не успев вывестись на свет, ушли во тьму, рушась прахом, пылью, тленом. Большинству не было дано даже слова своего сказать. И они, в том числе многие твои друзья, родичи, знакомые, соседи, сейчас уже там. Прошли они тенями, как будто пригрезились ненароком на этом самом диване. Он тот же, с той же обшивкой и тем же мышьям скрипом ржавых пружин. Но он пережил многих, потому что оказался прочнее и устойчивее в коловращении всего и вся.

Человек-сурикат хорошо знал твои слабости, и он сохранил эту лежанку. Возможно, для нее. Чтобы хотя бы такой деталью ослабить ее тоску по Страннику. И, отдыхая на твоём ложе, уходя поминутно в сладостную зыбь, ощущать, как бабочка-махаон порхает среди четырех стен оранжереи, трогая усиками внимания силуэт спящего. Как она кружит над своими растениями, терпеливо ощупывая нежнейшим хоботком листья и стебли, тычинки и пестики, лепестки страстоцветов, орхидей и бегоний, весьма прихотливых созданий не то бога, не то сомнительной эволюции.

* * *

И приснился тебе сон. Ты стоял на косогоре, потрясая своим посохом. Великое кочевое джугарное население собиралось к подножью холма, чтобы послушать речь наставника Пути. Все они шли к горе, несмотря на грозу, фыркающую джугуром, и ослепительные удары молнии. Жизнь кипела и в лесу, и в саванне, и в пустыне, и на берегах рек и озер. Всюду и везде она либо кишела насекомыми, либо стремилась вверх растениями и деревьями, либо ползала пресмыкающимися или же ударяла о грудь матушки-земли всеми четырьмя ногами позвоночных животных. Не было им ни числа, ни счета. Некоторым не придумали даже названия. «А ведь когда-то на планете были только раскаленные камни, так же обязательно наступит срок, когда пустыня вновь полновластно воцарится на лице этой тверди. Зачем же все это появилось? Точно так же и со мной. Кто ответит на этот вопрос?» – думал ты, и взгляд твой не в силах был ни охватить пределов жизни, ни проникнуть в ее глубину.

Миллионы тварей рычали, шипели, ржали, мычали, вопили, визжали, сопели, урчали. И все эти шумы ручьями текли над землей, сливаясь в постоянный, несмолкаемый, поражающий слух хор – безбрежное звуковое море. Не было на необъятном природном лоне такого существа, которое не стремилось бы изо всех сил выполнять команду великого Реестра – добывать пищу и выживать. Кроме тебя, странного создания, остановившегося в ключевом моменте Программы и задумавшегося: а почему это веление должно исполняться? Кому это нужно? Один только ты, стоящий на вершине холма, пытался охватить картину единой жизни внутренним взором, чтобы понять, где начало и конец этого нескончаемого потока страдания и стремления.

Громадные зулоны шествовали к водопою, щупая хоботами воздух и покачивая бивнями. Могучие животные торопили друг друга, спеша к воде. И в то же время они принюхивались, не затаился ли где-нибудь в тростниках свирепый джугур или того хуже – ужасный джурунг. Их толстые ноги воспринимали инфразвук, а миллионы чувствительных клеток в носах улавливали малейшие запахи – во имя выживания они особым восприятием проникали в иные сферы, где светом и тьмой шла та же борьба жизни и смерти. Зулени паслись по прогалинам среди кружевных кустов акации. Грациозные животные, само совершенство стати и гибкости, то и дело высоко поднимали свои изящные точеные головки с длинными, похожими на лепестки, ушами. Они поводили по сторонам своими прекрасными, налитыми иссиня-черным сиянием глазами, опущенными бархатными ресницами, внимая движениям трав и теней, не крадется ли поблизости коварный зубур? И в настороженности тела, в чутком повороте шеи, пружинной напряженности длинных ног было столько грации, столько природной мощи, красоты динамичной формы, возникшей на грани смертельного риска, что у тебя защемило на сердце. Эти создания, ежеминутно готовые к стремительному полету над землей во имя спасения, были столь же хрупки в статике, сколь выразительно сильны в совместном беге-полете. «Айналайын, – прошептал ты. – Плодитесь и размножайтесь. Пусть вас будут сонмы».

Небо с готовностью громынуло дальней грозой, готовясь закрутить шары горловой мелодии. Фыркали, беспокоились не только зулени, но и другие лани и газели, антилопы, лошаки и дикие ослы. Еще дальше на равнине затеяли дробный, гулкий бег стада зузебр. Кто потревожил покой стад и табунов? Внезапно твой взор стал гораздо более острым, и ты узрел то, что происходило вдалеке. Черными бурными лавами приближались к реке зубры и буйволы. Могучие животные с крутым горбом и мощным крупом, выпуклой грудью, вооруженные великолепными рогами, надвигались массой тел, неукротимой мускульной силой. Это были испытанные саванные воины – привыкшие биться не на жизнь, а на смерть и имеющие для этого и характер, и оружие. Их налитые кровью глаза искали в траве врага. Телят они поместили в самый центр стада, и это говорило о стратегии выживания. Объемным зрением ты заметил в глубине прибрежных камышей длинные тени: это были достойные охотники на быков – саблезубые львы. На ветвях акаций и в расщелинах затаились джупарды, неотразимые в прыжке сверху. Предчувствуя наживу, из укрытий выскакивали гиенодоны, алчно хохоча и повизгивая, они собирались в разбойные стаи. А за великим стадом, преследуя быков, бежали вереницы неустанных хищников – зубуров. Ростом они были не столь крупны, они брали числом, а также умением загонять добычу до измора, до изнеможения.

Сама эта земля, бескрайняя, щедрая на формы жизни, обильная травами, деревьями, воздухом и водой, дышала первобытной мощью. Разве не она породила этих зубастых мародеров – зубуров, волкопсов, зугиен, шакалов? Стервятников-едоков с пастью, способной дробить и сокрушать бычьи кости. За одну жесткую трапезу их желудок может уместить до двадцати килограммов мяса. Сменяя друг друга в авангарде погони, псы могут гнать стадо дни и ночи подряд, до тех пор, пока какое-нибудь большое или старое животное не свалится с ног от усталости. Стая налетает толпой, и в считанные минуты от добычи остаются только разбросанные кости. В стремлении псов пожирать и

рвать добычу, пока она жива и может видеть сцену терзания, было что-то отталкивающее, извращенное. Гораздо милосерднее львы и джупарды: они начинают есть, облизав жертву с головы до ног, убедившись, что она мертва. Однако все эти догадки – только твои мысли. Ни хищники, ни их добыча, наверное, так не думают. Их погони и бегство, бешеная борьба – это яростное сретение, переход тела в тело через неукротимую силу, жестокость, желание жить. Таким же образом существовал и свирепствовал человек сотни тысяч лет, пока не начались сбои в Программе. Пока в итоге не появился ты, возжелавший остановить не только действия, но и мысли.

Как будто желая проиллюстрировать твои размышления, саванна показала тебе сцену охоты диких псов. Оглядываясь на преследователей, разбрызгивая смолу ошалелых взглядов, опрометью неслась желтобокая, зрелая газель. В самом начале неистового бега, сильно отталкиваясь своими длинными ногами, внезапно взмывала она вверх в необычайно высоком, как будто невесомом прыжке. И был так прекрасен полет обреченной серны, окруженной жадной распаленной сворой, что у тебя стиснуло сердце. Собаки были близки к цели. Еще минута, и закипит кровавая расправа.

Истерически хохотали гиены, сноровисто снуя и шныряя в темных зарослях. Мелким смешком заливались пестрые шакалы. Казалось, ничто не спасет газель, напротив, – все вокруг зло алчет ее скорой гибели.

Ты в гневе ударил посохом о землю. Тотчас разразился сокрушительный гром, жаркая молния расщепила небосвод. Животные замерли. Взгляды удивленных тварей со всех уголков саванны вперились в тебя. Затем они подошли поближе, чтобы узнать причину твоего гнева.

Ты выжидал. Собрались в громадное стадо зулоны у подножия холма. Четвероногие травоядные животные сбились в необъятную тучу, громяющую копытами, сопящую и мотающую хвостами. Даже беспокойные, недоверчивые кабаны прекратили жевать, они вышли из зарослей, тупо уставились на невиданное столпотворение. На пригорке вольготно разлеглись львы, тигры, леопарды. Волки и псы стояли взерошенными, вздыбленными стаями, метали друг на друга ненавистные взгляды. Ближе всех подобралась к тебе гиены, шакалы, лисы. Миллионы пар глаз взирали на тебя: одни с мольбой, дескать, избавь нас от жестоких разбойников, другие – с раздражением, мол, чего тебе на этот раз нужно, Так приходящий?

И ты изрек следующее:

– Слушайте, твари пустынь, лесов, равнин, гор, а также гады морские. Дошел до небесного престола вопль агнцев невинных, терзаемых люто. Отяжелела твердь от крови убиенных, кротких жертв алчбы ненасытной утробы. Застили слезы обиженных и оскорбленных необъятный лик круглой, щедрой матушки-земли. Сама история ваша, как пасть ощеренная, как костяк с пустынями, вопящими черными глазницами. Всюду и везде, куда ни посмотри: скрежет зубовный, томление тлена и страдание живых. И это венец творения? Паче чаяния желают небо и земля мира, тишины, согласия и добротолубия всех живых существ. Истинно так! А ведь среди вас, джугарных тварей, есть и такие, которые возымели роковую невозможную мечту-соблазн завладеть абсолютным оружием! И они тянут руки-лапы к вожденной цели, рвутся, оставляя позади

горы трупов. Довольно! Мы устали от повторов темной истории. Отныне повелеваем вам прекратить все погони, охоту и атаки. Мы милосердствуем вам миром во всех трех сферах бытия. Вот вам скрижали завета, данные на веки вечные. Внимайте же!

И ты воочию почувствовал, как облегченно вздохнуло все несметное и неисчислимое стадо травоядных животных, от горизонта до горизонта с шумом испутив вздох радости. И ты услышал, как недовольно заворчали львы, тигры, леопарды и гепарды, а также волки и другие псы. Воздух тучей так и заглодел над их стаями.

– Вот принес я вам скрижали заветные, исписанные вечными законами новой жизни, светлой гармонии, мира между четвероногими и другими тварями, охотниками за плотью. Отныне повелевается вам полный и окончательный запрет на питание кровавой пищей! – ты произнес эту великую и долгожданную фразу торжественным голосом, ибо репетировал эту минуту множество раз. Но почему земля зыбко качнулась, а синь неба потемнела?

Из толпы недоумевающих и недовольных хищников неровным скоком, выталкиваясь, бочком выбралась пятнистая зугиена. Побрасывая в беге покатый зад, стреляя косо огнистым взглядом, она приближалась по кривой, все время петляя. Вот зугиена остановилась, отдышалась и затем сказала с затаенной усмешкой:

– Тебе виднее, Так приходящий, ты же Посланник. Однако твои законы отнюдь не новые, они стары, как сам мир. Память нашей стаи хранит сведения о множестве посланников неба, которые являлись из цикла в цикл, чтобы установить на земле рай и святую гармонию для всех существ. Но, как говорится, одними только благими намерениями выстлана дорога в ад.

– Что ты этим хочешь сказать, стервятник? – нахмурился ты.

– Ничего особенного, просто хочу напомнить уроки прошлого.

– И что же?

– Ты же, наверное, знаешь, мой господин, что севернее этих саванн выше обильной реки Онгойя, прорезающей весь континент, простирается бесконечная, безжизненная пустыня. Поглотила она горячими песками половину всей этой суши.

– Знаю сей факт, – сказал ты мрачно, разглядывая ироническую ухмылку на морде мохнатой твари.

– Ну что ж, позвольте тогда напомнить вам, что двумя циклами ранее там желтела не пустыня, а зеленела рощами саванна, текли мощные реки, сияли синевой большие озера. Жизнь там просто кипела. Любимые тобой существа там кишмя кишели.

– И куда они делись? – спросил ты, подозревая подвох. Ты уже жалел, что затеял пустой диалог с этой шельмой на глазах жителей всего континента. Но было уже поздно поворачивать назад. Рубеж был уже пройден.

– Хе-хе-хе, – осклабилась гиена, из красно ощеренной пасти закапала слюна. – А все дело в том, что туда пришел посланник, такой же великий, как и ты. Он принес новые законы, а нас, мясоедов, львов, гиен, леопардов, гепардов, волков и псов, громовым проклятием изгнал за пределы реки Онго. И остался на той стороне реки только избранный народ копытных, травоядных. Это были стада оленей и газелей, антилоп и быков, зебр и лошадей, жирафов и слонов, и очень много кротких зайцев, сурков.

Ты потупил взор, ты уже знал ответ. Но животным было еще невдомек, на что намекала гиена. Антилопы нетерпеливо стучали ногами, требуя продолжения истории. Зугиена же бесновалась в смехе, оглядывая ряды жвачных животных. Выждав паузу, она громко произнесла:

– Когда мы ушли, саванна начала умирать. Оставшись бесконтрольными, копытные твари размножились в несметном количестве. Они съели всю траву, выбили копытцами внешний покров земли. Ведь с гибелью травы умирает и почва. И первая же засуха превратила бывшую лесостепь в мертвую пустыню.

Твое молчание слишком затянулось. Растерянность посланника могла превратиться в его поражение. Ты, потрясенный, обдумывал ответ. А в голове билась горячая мысль: «Неужели эта ничтожная низменная тварь одолела в споре меня, человека, существо избранное и возлюбленное небом?»

– Кто ты? – спросил бесцветным голосом, вытирая пот со лба.

– А ты думал, кто? – сверкнула глазами-угольками гиена, подбираясь поближе. В зрачках звериного отродья кипел смех торжества.

– Ты не узнал меня? Я просто память своей стаи. В каждой стае есть такое существо.

– Ие? – дрогнувшим голосом спросил ты. Надо было такое предвидеть. Но было уже поздно. Дальше тебе читалась мораль.

– Твоя ошибка, как и других законников, в том, что вы стремитесь разграничить добро и зло. Но добро и зло разделены и противопоставлены только внешне, на самом деле они есть нечто единое, взаимообусловленное. Полагая, что в мире есть борьба добра и зла, ты реально проявляешь слепоту неосведомленного. Так какой же ты избранник неба, посланник свыше? Ты просто самозванец!

– Самозванец! – мощным хором взревели львы, тигры, леопарды, гепарды, волки и псы.

– Что? – переспросил ты и оглянулся назад. И этот жест был следующей роковой ошибкой.

– Он боится! Он самозванец! А с такими у нас разговор короткий! – заверещала зугиена и прыгнула вперед.

Окончание следует.

